

Анатолий Дроздов

HERR ИНТЕНДАНТУРРАТ

Интендант третьего ранга

Анатолий Дроздов

Herr Интендантуррат

«1С-Публишинг»

2011

Дроздов А. Ф.

Нерг Интендантуррат / А. Ф. Дроздов — «1С-Публишинг»,
2011 — (Интендант третьего ранга)

Продолжение романа «интендант третьего ранга». Сентябрь 1943 года. В расположении блокированной в лесах партизанской бригады появляется странный человек. Это гость из будущего Виктор Крайнев, который нашел возможность присоединиться к боевым товарищам. Виктор не может переместить в прошлое современное оружие и новейшие военные технологии, зато в состоянии противопоставить врагу ум, находчивость и горячее желание нанести захватчикам как можно больший урон. Однако Виктор не подозревает, насколько непростой и смертельно опасной станет его миссия...

© Дроздов А. Ф., 2011

© 1С-Публишинг, 2011

Содержание

1	5
2	13
3	18
4	27
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анатолий Дроздов

Негг интендантуррат

1

Пуля ударила в ствол сосны. Крайнева обдало вихрем коричневой крошки, только затем докатился звук выстрела – гулкий и протяжный. Крайнев упал и откатился в сторону. Второго выстрела не последовало. Крайнев помедлил и осторожно поднял голову. Левый глаз, запорошенный сосновым крошевом, не видел, но правый не пострадал. След от пули на стволе шел сверху вниз – стреляли с высоты. Навстречу. Целили в голову. Чуть правее – и все...

Некоторое время Крайнев лежал, решая, что делать. Левый глаз чесался и слезился, но он удержался – не стал тереть. Помогло. Глаз, промытый слезой, открылся и стал видеть. Не отчетливо, но это куда лучше, чем смотреть одним. В лесу было тихо. Ни ветерка, ни шороха, ни звука шагов. Стрелявший, очевидно, был один и сейчас затаился, гадая: промахнулся или нет. Пусть думает, что попал.

Крайнев еще раз изучил след пули и пришел к выводу, что его не видят. Сидят высоко, но здесь ложбинка, Крайнев как раз в нее спускался. Поэтому, наверное, и целили в голову – через мгновение мишень скрылась бы из виду. Стрелок спешил. Видимо, опасался, что Крайнев не поднимется на противоположный склон, а двинется вниз по ложбинке. Так и уйдем...

Крайнев вознамерился было встать, как вдруг различил в отдалении треск веток. К ложбине кто-то шел. Ситуация осложнилась. Стрелок решил убедиться в результате. Вниз по ложбинке уходить нельзя – выстрелят в спину. Назад – тем более. Встречный бой устраивать не хотелось. Мгновенно приняв решение, Крайнев снял с плеча винтовку, стащил вещмешок и положил их так, чтоб смотрелись, как в спешке брошенные; сам же, не таясь (стрелок видеть его не мог), но стараясь не оставлять следов на мягкой иглице, перебежал за куст калины. Присел, достал из кармана «люгер» и загнал патрон в ствол.

Стрелок тоже осторожничал. Над гребнем ложбинки показалась его голова, но сразу исчезла, после чего возникла вновь, но уже в стороне. Только затем щуплая фигура нарисовалась во весь рост и стала спускаться по склону. Крайнев едва не сплюнул. Подросток, лет четырнадцати. В руках – старая трехлинейка времен Первой мировой войны – без кожуха мушки и ствольной накладки. Мальчишка был ростом со свою винтовку. Сейчас он сжимал ее в руках, настороженно водя стволом по сторонам. В одно мгновение черный зрачок глянул в сторону Крайнева, и тот невольно подумал: не имеет значения, кто нажимает на спуск – пацан или опытный боец. Результат одинаков. Этот малец едва не засадил ему пулю в лоб. С дерева, используя для упора качающуюся ветку. С таким надо быть настороже...

Не обнаружив в лощине труп, малец, видимо, решил, что мишень убежала, и присел у брошенных вещей. К удивлению Крайнева, первым делом взял не винтовку, а вещмешок. Распустил узел и вытащил лежавшую сверху буханку. Сорвал с нее горбушку и стал жадно жевать.

Крайнев встал. Прятаться не имело смысла. Жующий человек плохо слышит – собственные челюсти для него звучат громче, чем сторожкие шаги по иглице. Малец и в самом деле опомнился, только увидев перед собой черный зрачок «люгера». Ошеломленно замер. Крайнев сапогом отбросил трехлинейку и присел напротив.

– Жуй! – сказал добродушно. – Только не подавись.

Малец торопливо двинул челюстями и судорожно сглотнул. Крайнев сунул «люгер» в карман, вытащил финку и аккуратно срезал оборванное место на буханке. Толстый ломоть протянул мальцу.

– Доедай!

Но малец есть не стал. Схватил хлеб грязной лапкой и сунул в карман ободранной телогрейки.

– Ленке! – пояснил в ответ на удивленный взгляд Крайнева.

– Кто это?

– Сестра.

– А тебя как звать?

– Петька.

– Зачем стрелял в меня?

Петька насупился.

– Своего мог убить! – пожурил Крайнев.

– Свои тут не ходят! – хмыкнул Петька.

– Ладно! – не стал спорить Крайнев. Взял трехлинейку и два раза передернул затвор. Выпавшие патроны подобрал и сунул в карман. – Где остальные?

– Нету! – насупился Петька.

«С тремя патронами на пост?» – удивился Крайнев, но больше спрашивать не стал. Вернул трехлинейку хозяину, упаковал и завязал вещмешок, подобрал СВТ.

– Отведешь меня к Саломатину?

– Зачем? – насторожился Петька.

– Поговорить надо.

– Станет он со всяким разговаривать!

– Не поведешь?

Петька покрутил головой.

– Могу и сам дойти! – согласился Крайнев. – Только предварительно свяжу тебя и оставлю. Вдруг патрон в кармане заваялся – пульнешь в спину... Пока еще свои отыщут! Лес, муравьи, дикие звери... Они будут первыми.

Петька шмыгнул носом и встал.

– «Парабеллум» дашь?

– Может, и одежонку постирать?

– Ленка постирает! – не согласился Петька. – «Парабеллум» лучше. Тебя все равно расстреляют, пистолет заберут. Я в тебя первый выстрелил!

– Веди! – подтолкнул его Крайнев. – Снайпер...

Петька умолк и бодро зашагал впереди. Они поднялись на гребень лощинки, миновали сосновый бор и вошли в березовую рощицу. Петляли. Крайнев догадался, что Петька умышленно кружит, сбивая его с прямой дороги, но одергивать не стал. Без того повезло – какой-никакой, но проводник. Грех жаловаться. Попался бы кто опытнее – лежал бы сейчас на иглице с разбрызганными мозгами. Правильно в лес зашел: с дикой стороны. В жопалых местах дежурят не мальцы, а опытные часовые (у Саломатина это непременно!) – те долго разбираться не станут. Незванный гость хуже фашиста. Или не лучше. Один пень...

В осеннем лесу было тихо. Пожелтевшие кроны берез ярко выделялись на зеленом фоне спелого сосняка, березки выглядели нарядными, как девушки на празднике. День стоял ясный, от притихшего леса веяло умиротворением. «Сейчас бы лукошко в руки, да по грибы!» – подумал Крайнев и невольно стал приглядываться. Грибов не было. Попадались мухоморы, какие-то поганки, Крайнев заметил даже пару трухлявых подберезовиков, но съедобных не попадалось. «Странно! – подумал Крайнев и вдруг сообразил: – Отряд в лесу! У них не только партизаны, но и семейный лагерь! Собирают! Чем в блокаде заняться?» Довольный своей догадливостью, Крайнев упустил момент, когда Петька, шагавший впереди, вдруг замедлил шаг и как-то незаметно поравнялся с гостем. И почти сразу из-за кустов их окликнули:

– Стой! Кто идет?

- Это я! – отозвался Петька.
- Кого привел?
- В отряд просится, Саломатина спрашивал.
- Оружие на землю!

Крайнев понял, что это относится к нему. Снял с плеча винтовку, затем вытащил из кармана и положил рядом «люгер».

- У него еще нож! – наябедничал Петька.
 - Нож тоже! – посоветовали из-за кустов.
- Крайнев подчинился.
- И мешок! – не унялся невидимый часовой. – Вдруг там гранаты!
 - Еда и белье, – сказал Крайнев. – Плюс цинка патронов.
 - Снимай! Не то – как врежу очередь!

Крайнев стащил вещмешок и сделал десять шагов вперед. Из-за кустов вышел коренастый, скуластый паренек в ватнике и замызанной кепке. Из-под козырька выбивался кудрявый невымытый чуб. На груди чубатого висел немецкий «шмайсер», который он угрожающе навел на пришельца.

- Зачем тебе Саломатин? – спросил грозно.
- Поговорить.
- Станет он со всяким... – хмыкнул боец, и Крайнев понял, с чьих слов пел Петька.
- Со мной станет!
- Ты ему кто?
- Боевой товарищ.

– Может, и боевой, – насмешливо сказал чубатый, внимательным взглядом окидывая Крайневу, – только вот товарищ ли? Ишь, гладкий да сытый.

– У него в мешке хлеб, – доложил Петька. – Буханка кирпичиком, не деревенская, хлеб свежий.

«Ах, ты! – укорил себя Крайнев. – Кажется, все предусмотрел, а вот это...»

– Опять немецкий шпион! – заключил чубатый. – На той неделе одного шлепнули – новый появился! На кой хрен его в лагерь? Отвести к оврагу – и все? Как думаешь?

- Я «парабеллум» возьму! – подскочил Петька.
- Еще чего! – возмутился чубатый.
- Я его первый увидел!
- Что ж не убил?
- Промахнулся! Он далеко шел.
- Я не промахнусь. «Парабеллум» мой...

Крайнев молча переводил взгляд с одного спорщика на другого. Петька и молодой ругались, забыв о госте. Похоже, их несколько не смущало присутствие хозяина подлежащего разделу добра. Для них он уже был трупом, лежащим на дне недалекого оврага. Вполне возможно, для превращения имущества в выморочное как раз используют спорный «парабеллум». Заодно опробуют ствол...

Крайнев выругался. Громко и страшно. Спорщики удивленно замолкли.

– Если не отведешь меня в лагерь, тебя расстреляют! – Крайнев ткнул пальцем в грудь чубатого. – Саломатин! Лично! Перед строем! Устав караульной службы знаешь?! Что нужно делать при задержании неустановленного лица у охраняемого объекта?

Чубатый насупился.

- Ладно, – сказал, почесав в затылке, – отведу. Только не к Саломатину.
- Пусть будет Ильин! – согласился Крайнев.

Чубатый глянул на него удивленно, но промолчал. Собрал оружие и мешок, закинул ремни за плечо.

– Иди на пост! – цыкнул на Петьку. – Тебя никто не снимал.

– Эй! – окликнул Крайнев. Достал из кармана патроны и бросил Петьке. Тот молча пойма.

– А еще «парабеллум» хотел! – укорил Петьку чубатый и толкнул Крайнева в спину: – Пошел!..

Лагерь открылся внезапно. Мгновение тому Крайнев еще шагал по тропинке, как вдруг за поворотом возникла поляна, местами поросшая кустарником и молодыми деревцами. Если бы не люди, Крайнев ни за что не догадался бы, что здесь партизанская база – ни строений, ни землянок, ни огневых точек. Присмотревшись, Крайнев понял, что землянки и огневые точки как раз есть, только умело замаскированы – как раз теми самыми кустами и деревцами. Их, видимо, выкапывали в лесу вместе с землей и дерном, а затем водружали на перекрытия землянок и брустверы окопов. Вблизи разглядеть можно, а вот издали – нет. С воздуха – вообще бесполезно.

Люди на поляне не слонялись без дела. Кто-то пилил дрова, кто-то чистил картошку, несколько женщин стирали белье в деревянных корытах. Во всем чувствовался четкий порядок. «Саломатин!» – подумал Крайнев с улыбкой.

Люди на поляне не обратили внимания на новые лица. Крайнев по-прежнему шагал впереди, конвоир – в двух шагах за его спиной. Видимо, такая картина для обитателей лагеря была привычной. Бегая взглядом по сторонам, Крайнев зазевался и едва не столкнулся с гигантом, тащившим на плече ствол сухой елки. От неожиданности гигант уронил ношу и выругался.

– Седых!

Гигант отступил на шаг, всмотрелся.

– Товарищ интендант!

Крайнев опомниться не успел, как гигант заключил его в объятия и стал горячо тискать.

– Товарищ Брагин! Сколько раз вас вспоминали! Живой! Здоровый! Вот товарищ полковник обрадуется...

Кости Крайнева скрипели, но он терпел. Встреча с Седых была нечаянной удачей.

– Откуда вы, товарищ интендант?

– Из Москвы, – сказал Крайнев, отступая.

– Как нас нашли?

– С трудом. Встретили неласково. Сначала Петька едва не застрелил, потом вот этот, – Крайнев указал на конвоира, – хотел...

– Ещенко! – Седых показал конвоиру кулак, размером с тыкву. – Только попробуй!

– К Ильину веди, – насупился конвоир.

– Вот и веди! За самосуд – лично удавлю! Не обижайтесь, товарищ интендант! – обратился Седых к Крайневу. – У Ещенко немцы мать убили за сына-партизана, у Петьки семью сожгли, только он да сестра уцелели – коров в поле пасли. У нас таких пол-отряда. Злоба у людей, а выхода нет – не воюем, – Седых вздохнул.

– Скажи Саломатину, что я здесь! – попросил Крайнев.

– Обязательно! Прямо сейчас!

Седых убежал, забыв о своем бревне, а Крайнев, направляемый Ещенко, подошел к землянке, вырытой на отшибе. Двери у землянки не было, вход закрывала ветхая плащ-палатка.

– Разрешите, товарищ майор! – выпалил Ещенко в плащ-палатку.

– Заходи! – раздалось изнутри.

Но Ещенко только просунул голову в щель.

– Задержанного привел. С Петькой... партизаном Смирновым прибыл.

– Заводи!

Крайнев отвел плащ-палатку и осторожно спустился внутрь. В землянке стоял сумрак: маленькое окошко под самым накатом давало слишком мало света. Прошло несколько секунд,

прежде чем Крайнев различил лавки-нары по обеим сторонам маленькой землянки, стол из старой калитки, приколоченной к толстому сосновому кругляшу. За столом сидел человек в военной форме без погон и молча смотрел на него. Краем глаза Крайнев видел, как Ещенко ставит в угол его винтовку и вещмешок. «Люгер» конвоир положил на стол перед Ильиным.

– Все? – спросил хозяин землянки.

– Так точно!

– Нож у меня был. Финский, – злорадно напомнил Крайнев.

Ещенко неохотно положил на стол нож и по знаку Ильина вышел. Начальник особого отдела взял нож и некоторое время молча рассматривал. Крайнев видел, что майор исподтишка поглядывает не столько на нож, сколько на незваного гостя, и внутренне усмехнулся.

– Имя, фамилия, звание! – жестко и внезапно спросил Ильин.

– Интендант третьего ранга Брагин Савелий Ефимович!

– Что?

Ильин вскочил и подбежал к нему. Бесцеремонно повернул к свету.

– Узнал?

– Узнал... – Ильин вновь переместился за стол. – Откуда?

– Из Москвы.

– Документы?

– Вы своим, когда за линию фронта идут, документы даете?

– По-разному бывает, – холодно ответил Ильин. – Значит, документов нет?

– Нет.

– Плохо.

– Не удалось установить личность?

– Личность установлена, но неизвестно, где она пребывала последние два года.

– В Москве.

– Чем занимался?

– Служил по специальности.

– Почему не переаттестован? Интендантов третьего ранга больше нет.

– Встречаются. Очередь до меня не дошла. Сначала фронтовики.

– А я думал: штабные! – усмехнулся Ильин. – У нас до сих пор погон нет.

– Вам они без нужды.

– Зачем пришел?

– Воевать.

– Отпустили?

– Попросился.

– Так горячо, что на самолете подвезли? По тебе не скажешь, что от линии фронта шел.

– Я и не собирался. У нашей службы богатые возможности.

– Это у какой?

– Вам знать не положено.

– Мне здесь все положено! – Ильин хватил по столу кулаком. – Я здесь главный! Понятно?! Ты кто такой? Зачем объявился? Организовал отряд, захватил Город, так и впредь воевать следовало! Нет – исчез, да еще бабу свою прихватил. И вот на тебе: появляется и несет новость что. В Москве он был! Как туда можно было добраться – фронт сплошной? Врешь! Или пережидал тяжелое время где-то на хуторе, или, того хуже, на немцев работал. Не так? А я думаю: так! Ты или правду сейчас скажешь, или лично расстреляю из этого «люгера»...

– Кто тут и кого расстреливает? – раздалось за спиной.

Крайнев обернулся. Саломатин, перетянутый ремнями поверх аккуратно заправленной гимнастерки, улыбался за его спиной. Крайнев сделал шаг навстречу и, не удержавшись, обнял

старого товарища. Тот ответил, и с минуту они молча тискались друг друга. Затем, не сговариваясь, отступили на шаг.

– Ишь, ряшку отъел! – поддел Саломатин. – Интендантские харчи не чета нашим!

– Зато у тебя кожа да кости! – не остался в долгу Крайнев.

– Посидел бы ты на картошке с грибами, – вздохнул Саломатин. – Теперь и вовсе одна картошка осталась. Грибы на пять километров вокруг обообрали. Голодаем, Савва!

– Товарищ полковник! – приподнялся было Ильин.

– Сиди! – оборвал его Саломатин. – Слышал я, как ты тут грозился. Брось! Не тот человек.

– Хочу заметить... – не унялся Ильин.

– Что? – шагнул к нему Саломатин. – Что ты мне хочешь сказать? Может, про этот орден? – Саломатин коснулся ордена Красной звезды на груди особиста. – За что получил? За взорванный мост? А мост он взорвал! – полковник ткнул в Крайневу. – Вас там, как говорится, и рядом не стояло. Это он шнур поджигал и на веревке под фермой болтался, каждую секунду рискуя или свалиться на лед, или попасть под взрыв! Может, это ты из трехдюймовки прямой наводкой по немцам садил и последний снаряд шрапнели выпустил, когда они в двадцати шагах были? Ты Город брал и командовал штурмом казармы? Или ты вытащил из плена роту красноармейцев, спас их, одел, накормил, вооружил, создал отряд, в котором ты сейчас воюешь? Ты кого в предатели пишешь? Совсем охренел?

Ильин сидел, опустив голову.

– Не обижайся, Савелий! – повернулся Саломатин к Крайневу. – Он хороший мужик, дельный и храбрый, но помешался на шпионах. Их и вправду много – каждую неделю ловим. Садись! Из Москвы?

Крайнев кивнул и присел на нары.

– Как там!

– Нормально. Салютуем победам.

– Как Настя?

– Здорова. Передает тебе привет.

– Детьми не обзавелись?

– Нет еще.

Саломатин довольно улыбнулся. «Да знаю я, знаю!» – хотел сказать Крайнев, но вовремя удержался.

– К нам какими судьбами? – продолжил Саломатин.

– Попросился. Надоело в тылу, когда вы тут воюете.

– Душа защемила?

– Забыть не могу! – подтвердил Крайнев. – Вот! – он указал в угол. – СВТ с оптическим прицелом. Выпросил. Мощная штука. За километр – в голову.

– Теперь мы точно победим! – съязвил Ильин.

Саломатин только вздохнул.

– Есть хочешь? Только у нас одна картошка.

Крайнев встал и принес свой мешок. Выложил на стол початую буханку хлеба, банку тушенки без этикетки, но в густой смазке, кусок сала в тряпице и круг копченой колбасы. Взял свою финку и молча стал все открывать и нарезать. Ильин и Саломатин невольно подались вперед, внимательно наблюдая за его движениями. Покончив с закуской, Крайнев достал из мешка бутылку и водрузил на стол.

– Стаканы есть? Или кружки?

Ильин нырнул в угол и выставил на стол три граненых стакана. Крайнев разлил водку, пустую бутылку бросил под стол.

– Раненым бы снести, – сказал Саломатин, нерешительно берясь за стакан.

– Их двадцать человек! Только губы помазать! – возразил Ильин.

– Ладно! – согласился Саломатин.

– Хочу заметить, товарищ полковник, – сказал Ильин, поднимая стакан, – я докладывал в Москву о том, кто взорвал мост. И кто Город брал. Я не виноват, что орденом наградили меня.

– Да знаю я! – отмахнулся Саломатин. – Проехали! За встречу?

Трое мужчин чокнулись и осушили стаканы. Саломатин с Ильиным немедленно набросились на еду. Вываливали на ломти хлеба куски тушенки и откусывали огромные куски. Хватали пальцами ломти сала. Крайнев изумленно смотрел на этот жор, забывая жевать. «Господи! – подумал он. – Да у них, в самом деле, голод! А ты думал, что грибы от безделья выбрали! – укорил он себя. – Но как можно голодать, когда вокруг деревни и везде собрали урожай?»

Голодные мужики мигом подмели сало и тушенку, потянулись к колбасе. Саломатин взял кусок и вопросительно глянул на гостя.

– Есть еще кольцо! – успокоил Крайнев. – А вот хлеб весь. Возьмешь эти ломти. Сколько дочке?

– Два месяца, – сказал Саломатин. – Молока у матери не хватает – питание плохое. Плачет маленькая. Все ты знаешь, интендант!

Крайнев только руками развел.

– Ладно! – сказал Саломатин, сдвигая в сторону недоеденный хлеб. – К делу! Слушай диспозицию. Это наш лагерь, – он положил в центр ломтик колбасы, – здесь, здесь и здесь, – Саломатин обставил ломтик пустыми стаканами, – полицейские гарнизоны. Сильные. Каждый по численности больше нашей бригады. Петришки, Заболотье и Торфяной Завод. Самый мощный гарнизон и штаб полицейских сил в Торфяном Заводе. Там, кстати, на самом деле завод, торф добывают, снабжают немцев... С тех пор, как ты ушел от нас, многое изменилось, Савелий. Немцы поняли, что сами с партизанами не справятся. Вояки они хорошие, но лес не знают и боятся его. Создали полицейские гарнизоны. Набрали наших парней – кого силой заставили, кто сам на жирный кусок польстился – вооружили, обучили. Кормят полицаев и семьи их, как кабанов к убою, лечат, дали дома, коров, одежду... Все у наших же награбленное – не жалко. Полицаи хлеб отрабатывают, стараются. Лес они знают и не боятся. Перекрыли все пути.

Мы с весны рейдовали, громили гарнизоны, сюда после «рельсовой войны» зашли передохнуть ненадолго. И завязли. Никто не думал, что у полицаев такая сила. Села вокруг полицейские – сплошь родственники тех, кто немцам служат; стоит выйти из леса, как в гарнизонах знают. Между селами – телефонная связь, да и отстоят недалеко друг от друга – даже если перерезать линию связи, то услышат стрельбу. Сразу съезжаются из трех мест, начинают лупить. Пулеметы, винтовки, даже минометная батарея... Нам жизненно важно вырваться отсюда. В соседнем районе таких гарнизонов нет, в лесу полевой аэродром. Позарез нужно отправить раненых и детей за линию фронта, получить боеприпасы... Патроны даже с воздуха сбросить не могут. В рации сели батареи, новых нет, сообщить координаты в Центральный штаб не можем. Не знаю, как ты нас разыскал – наверное, в Москве есть сведения о дислокации бригады, но без точных, подтвержденных координат груз сбрасывать не станут. Надо прорываться. В прошлом месяце попробовали и попали в полицейское кольцо. Долго нас по лесу гоняли, еле отбились. Третью бригаду положили, полсотни раненых. Многие потом умерли – лекарств нет, питание слабое...

Теперь смотри! Боеприпасов – по десять патронов на винтовку, полмагазина на автомат. Продукты заканчиваются, добыть можно только боем. Если кто из местных в отряд хлеб несет или сала, того полицаи безжалостно вешают, дом сжигают. Мы носить продукты запретили – людей жалко. Картошку, которую сейчас доедаем, ночами на полях копали. Полицаи нас теперь, как комара, прихлопнуть могут. Но не спешат. Мы их хорошо пощипали, несколько десятков в том бою положили – боятся. Сколько бы он, – Саломатин указал на Ильина, – шпи-

онов ни расстреливал, они знают, что у нас голод. Ждут, пока сдохнем. Вот так, Савелий! А ты с винтовкой... Не обижайся, но у меня есть кому стрелять. Боюсь, не вовремя ты...

– Что прежде надо? – спросил Крайнев, играя желваками. – Хлеб или патроны?

– Патроны! – в один голос сказали Саломатин с Ильиным.

– Сразу не обещаю, – сказал Крайнев. – Что бог раньше пошлет. Немецкая форма имеется?

– Конечно! – улыбнулся Саломатин. – Все как положено: шинели, каски, нагрудные бляхи... Даже мотоцикл. Правда, без бензина.

– Кто говорит по-немецки, кроме тебя?

– Никто, – покачал головой Саломатин.

– Будешь мотоцикл толкать? Не погнушаешься, полковник?

– За патроны я – хоть паровоз! – Саломатин встал.

– Опасно, товарищ полковник! – встрял Ильин. – Ваши портреты на всех столбах. Сто тысяч марок за голову.

– Сэкономим немцам! – усмехнулся Саломатин. – Сами придем. Эх, Савва! Вспомним молодость?!

Несколько минут спустя Саломатин, прижимая к груди маленький сверток, спустился в землянку, замаскированную кустом боярышника. У входа его встретила маленькая, худенькая женщина в военной форме.

– Спит! – шепнула, прижимая палец к губам. – Еле укачала. Голодная.

– Вот! – сказал Саломатин, разворачивая сверток. – Поешь!

– Колбаса? – изумилась женщина. – Откуда?

– Хороший человек принес.

– Поужинаем?

– Ешь сама. Я сыт.

– Обманываешь?

– Вот! – Саломатиндохнул на жену. – Чувствуешь?

– Водкой пахнет, – согласилась женщина. – Пить пил, но ел ли?

– Варенька, жизнью своею клянусь: ел! Так нажрался, что брюхо трещит. У Ильина сидели. Он, я и гость. Ешь! Тебе дочку кормить надо.

– Что за гость? – спросила Варя, нарезая на дощечке колбасу. – Да еще с такими дарами?

– Брагин.

– Тот самый? – замерла с ножом Варя.

– Именно! – Саломатин подхватил жену и закружил по землянке. – Отыскал нас, пришел... Ох, и заживем мы сейчас!

Варя засмеялась, но тут же испуганно прижала палец к губам. Саломатин осторожно опустил ее на земляной пол и все время, пока жена ела, не спускал с нее счастливого взгляда...

2

Молодой полицейский встрепенулся и вытянулся у бруствера из мешков с песком.

– Кто там, Романчук? – спросил старший поста, мордатый полицейский в засаленной шинели.

– Немцы, кажись.

Мордатый подошел и встал рядом. Из-за недалекого поворота появилась странная процессия. Двое немцев в длинных шинелях, упираясь сапогами в раскисшую грунтовку, катили мотоцикл с коляской.

– Заглохли! – сказал мордатый. – Эх, угораздило! Давно толкают. Мотоцикл трещит – за версту слышно, а было тихо.

– Я окликну! – сказал Романчук и, не дожидаясь позволения, закричал: – Стой! Кто идет!

Немцы не обратили на окрик ровно никакого внимания. Как упирались сапогами в грунтовку, так и продолжили.

– Дурак ты, Романчук! – снисходительно сказал мордатый. – Чего разорался? На кого? Счас подойдут да как врежут прикладом!

– У них автоматы.

– У автомата тоже приклад, железный. Раз сунут – и зубы вон. Видел такое. А жаловаться не станешь: зачем кричал?

– Вдруг партизаны переодетые?

– Станут партизаны среди белого дня на мотоциклах раскатывать! Они в лесу затаились и картошку последнюю доедают.

– Месяц назад пятерых в роте убили! – возразил Романчук.

– Тебе, дурню, место освободили! – хмыкнул мордатый. – Сидел бы в деревне да клопов давил. А так корову дали, муки мешок, форма – вон, какая! Жених! Немца от партизана всегда распознать можно: сытые, справные.

Передний немец, кативший мотоцикл за руль, словно в подтверждение слов старшего поста поднял голову, и полицейские увидели мокрое от пота, явно не худое лицо.

– Второй тощенький, – сказал Романчук.

– Люди, как коровы, разные бывают. Другую кормишь-кормишь, а у нее – рога да хвост, – философски заметил мордатый.

Тем временем немцы подкатали мотоцикл к посту, передний достал из кармана носовой платок и вытер мокрое лицо.

– Бензин? – сказал, указывая на мотоцикл.

– У них горючка кончилась! – догадался мордатый. – Бензин у господина начальника, там! – он указал в сторону поселка. – По этой улице и сразу увидите!

– Ком!

– Чего? – не понял мордатый.

– Шиб ан! – немец сделал руками движение, будто толкает кого-то и указал на мотоцикл. – Ком!

Мордатый понятиливо закивал.

– Романчук! Помоги господам офицерам!

– Почему я? – насупился молодой полицейский.

– Меньше орать будешь!

– Один не справлюсь! Они вдвоем толкали!

– Пилипенко поможет.

Третий полицейский, все это время хранивший молчание, забросил винтовку за спину и взялся за ручки мотоцикла.

– Покататься бы на таком! – вздохнул Романчук, пристраиваясь за седлом.

– Рылом не вышел! – напутствовал мордатый.

– Шнель! – поторопил немец, и процессия из четырех вооруженных мужчин и одного мотоцикла направилась в поселок. Полицейские катили мотоцикл, немцы важно шагали позади.

– Нам в субботу что-нибудь перепадет? – спросил Романчук, который, как видно, просто не умел молчать. – Именины начальника!

– Тебя обязательно позовут! – сказал Пилипенко. – Место за столом подготовили.

– Ты не смейся! – обиделся Романчук. – В Торфяной Завод поедет только наш командир, знаю. Но могли бы и нам поднести.

– Дурак ты! – отозвался Пилипенко. – Не успел форму надеть, а губу раскатываешь! У начальника таких, как ты, три сотни – каждому наливать? К нему немцы приедут из района, с ними и выпьет. Вчера двух кабанов в Торфяной Завод повезли, Сымониха неделю самогон гнала да угольками чистила. Начальник сказал: не понравится немцам – спалит вместе с хатой! Они будут пить, а ты службу усиленную нести, чтоб партизаны не помешали!

Романчук в ответ только вздохнул. Вдвоем они подкатали мотоцикл к большому дому в центре поселка. По всему видать, что до войны здесь располагался сельсовет: на бревенчатой стене светлел прямоугольник от содранной некогда вывески. Новой на здании не было, только над крыльцом жалкой тряпкой висел белый флаг с красной полосой вдоль полотнища. Навстречу гостям выскочил низкорослый человечек в полицейском мундире.

– Что случилось?

– Бензин! – сказал высокий немец, указывая на мотоцикл.

– Айн момент! – залезил полицейский начальник. – Новиченко! – крикнул он в распахнутую дверь. – Неси канистру!

Спустя минуту появился полицейский с канистрой. Подойдя к мотоциклу, он свинтил пробку с бензобака и поднял канистру.

– Найн! – остановил его высокий немец. – Курт!

Худенький немец извлек из багажника за спинкой сиденья коляски жестянку, свинтил пробку и налил в мерный стаканчик густое машинное масло. Опустошил стаканчик в бензобак, забрал у Новиченко канистру и наполнил бензобак до горловины. Завинтил пробку и несколько раз качнул мотоцикл, перемешивая содержимое.

– Видишь, как! – укоризненно сказал полицейский начальник Новиченко. – Культура! А ты хотел просто плеснуть.

– Откуда мне знать? – пожал плечами полицейский. – Я на мотоциклах не ездил.

– Ты и на тракторе ездил так, что не успевали ремонтировать! – хмыкнул начальник. – Выгнали из МТС, как собаку. Неси книгу!

Новиченко забрал канистру и обратно появился с амбарного вида книгой.

– Битте, герр офицер! – попросил начальник, раскрывая книгу. – Положено записывать, кому выдавали. Начальство требует. Отчетность. Орднунг по-вашему.

Высокий немец молча взял книгу и карандаш, быстро написал что-то и поставил подпись. Тем временем худенький, покопавшись в свечах, завел мотоцикл. Высокий немец сел в коляску, худенький запрыгнул в седло, и мотоцикл, распространяя вонь выхлопных газов, покатил по улице.

– Хоть бы спасибо сказали! – заметил Новиченко.

– За что? – рассердился начальник. – Твой бензин, что ли? Немцы дали, немцы взяли. Скажи спасибо, что расписались! Уперся бы фельдфебель – доказывай потом, что бензин не продал!

– А сколько взяли, не написал! – заметил Новиченко, заглядывая через плечо начальника. – Можно самим поставить. Столько, сколько нужно.

– Разберемся! – осадил его начальник. – Он поднес книгу к близоруким глазам. – Фельдфебель Штирлиц! Странная фамилия...

– Нам что Штирлиц, что Мюллер! – сказал Новиченко. – Детей не крестить. Там Сымониha принесла продукцию на пробу. Пойдем, Иванович?

– Тебе бы только пьянствовать! – укорил начальник. – При советской власти за это гоняли, при немцах захотел?

– Так уехали! – махнул рукой Новиченко. – Бензина у них под завязку, не вернутся. Пойдем, Иванович! Там салыце свеженькое, яички вареные...

– Ладно! – мотнул головой начальник. – А вы что стоите?! – набросился он на Романчука с Пилипенко. Марш на пост!..

Заправленный полицейскими мотоцикл выбрался с проселка на большак и остановился у перекрестка. Оба немца оставили машину и стали рядом на обочине.

– Откуда знал про бензин? – спросил Саломатин, поправляя съехавший ремень.

– Немецкая система снабжения на оккупированных территориях, – ответил Крайнев. – В каждом населенном пункте, находящемся под их контролем, имеется запас на непредвиденный случай. Немцы порядок любят.

– Умно! – похвалил Саломатин. – Только полицейские бензин могли пропить. Видал рожи?

– Немцы за такое – к стенке!

– Да им по боку. Маму родную пропьют! Родину продали, сволочи! – Саломатин плюнул. – Руки чесались...

– Успеешь! – сказал Крайнев. – Не оказалось бы бензина в Петришках, послали бы полицейцев в Торфяной Завод. Там наверняка есть. Сами тем временем культурно провели бы досуг. Опробовали продукцию бабки Сымониha, сало с вареными яичками...

– Не трави душу! – Саломатин снова сплюнул. – Живот к хребту прилип... Как действуем?

– Как в сорок первом. Колонны пропускаем, одиночные грузовики останавливаем.

– Не опасно повторяться?

– Немцы – народ консервативный и не любят что-либо менять. Как останавливала грузовики фельжандармерия, так и останавливает. Никому не объясняя, почему.

– Ладно! – сказал Саломатин, поправляя на груди МП-40.

До полудня они пропустили мимо пять колонн и остановили три грузовика. Все остановленные везли или запчасти к технике, или снаряды к пушкам. Напарники так освоились на дороге, что на короткое время смотались в недалекую деревню, где, изо всех сил изображая не понимающих по-русски немцев, купили у молодки два ломтя хлеба и горлач молока. Молодка оказалась боевой: содрала с них три марки, да еще плюнула вслед. Крайнев с Саломатиным сделали вид, что не заметили. После обеда они повеселели и с новым рвением стали тормозить грузовики. В одном из них оказалось продовольствие. Саломатин, забравшись в кузов, увидел мешки с мукой, штабеля ящиков с консервами, жестянки с маргарином и джемом. Крайнев разглядел выражение лица напарника, когда тот спрыгнул на дорогу, и молча отдал документы ожидавшему их немцу. Тот радостно заскочил в кабину, и грузовик торопливо укатил.

– Стоило брать! – сказал Саломатин, провожая грузовик взглядом.

– Сам велел: патроны! – возразил Крайнев.

– Умом понимаю, – вздохнул Саломатин, – но как увидел... В бригаде раненые и дети голодные.

– Накормлю! – пообещал Крайнев. – В субботу. Если на дороге выгорит...

Выгорело под самый вечер. Тяжелый «манн» нехотя притормозил перед поворотом. Из кабины выскочил офицер с гауптманскими нашивками.

– В чем дело, фельдфебель? – спросил раздраженно. – Нас уже проверяли! Десяти километров не проехали...

«Конкуренты завелись! – подумал Крайнев. – Причем, в отличие от нас, настоящие. Пора сматываться...»

– Спасибо, что сообщили, господин гауптман, – сказал вежливо. – Наряд должен был сменить нас, но почему-то не доехал. Выясним. Ваши документы!

– Так проверяли!

– Мы на службе! – сурово сказал Крайнев.

– И давно служите? – поинтересовался немец.

– С сорок первого.

– За это время могли бы научиться различать цвет петлиц и погон. Я не гауптман, а интендантуррат.

– Я близорук, господин интендантуррат, – спокойно сказал Крайнев. – Папирен!

Интендантуррат нехотя протянул бумаги. Крайнев, изображая близорукость, поднес их к самым глазам и стал рассматривать.

– Оружие и боеприпасы, – сердито сказал немец. – Везу с армейского склада на дивизионный.

– Почему ваш склад так далеко в тылу?

– Тот, что был близко, разбомбили русские! Вы бывали на фронте, фельдфебель?

– Я пояснил, почему я здесь! – сухо ответил Крайнев. – В кузове есть сопровождающие?

– Нет.

– Непорядок.

– В интендантской службе за неделю погибли все рядовые! Налет, русские штурмовики... Понимаете, в интендантской! Некоторые думают, что интенданты отдыхают в тылу! Некому сопровождать. Мой водитель – и тот русский, из вспомогательных войск.

– В окрестностях орудуют большевистские бандиты, – наставительно сказал Крайнев. – Без сопровождения передвигаться опасно. Тем более с русским водителем.

– Поэтому спешу доехать засветло. А нас останавливают на каждом перекрестке!

– Я должен осмотреть груз, – сказал Крайнев. – Прошу, господин интендантуррат!

Немец сердито сплюнул. Вызванный из кабины водитель расшнуровал тент и откинул борт со ступенькой над верхним краем, которая теперь оказалась внизу. Первым в кузов заскочил Саломатин. Через минуту его голова появилась в проеме тента. По блестящим глазам напарника Крайнев понял: то, что нужно. Воровато оглянулся по сторонам. Шоссе было пустынно. Другие немцы поспешили добраться засветло.

– Господин интендантуррат! – строго сказал Саломатин. – Прошу сюда!

– Что еще? – отозвался немец и поднялся в кузов. Спустя мгновение оттуда донесся вскрик и шум падающего тела. Водитель испуганно глянул на Крайнева. Тот молча приставил «люгер» к его виску и указал на кузов.

– Фортвертс!

– Господин фельдфебель! – заканючил водитель, но Крайнев схватил его за шиворот. Водитель, затравленно оглядываясь, заскочил в кузов и увидел худенького унтер-офицера. Тот держал в руке плоский винтовочный штык и хищно скалился.

– Я свой, русский! – крикнул водитель, отшатываясь.

– Ты был русский! – сказал Саломатин, выбрасывая руку со штыком. – Пока не продался за немецкие сосиски! – он повернул штык и выдернул лезвие из осевшего тела. Затем присел и вытер кровь о мундир убитого.

...Поздним вечером мордатый полицейский и Романчук ехали в телеге, когда их обогнали мотоцикл и кативший следом грузовик.

– Гляди, дядя Сеня! – воскликнул Романчук, приподымаясь на телеге. – Немцы! Те самые! Только один на мотоцикле, а второй – в грузовике.

– Ну и что? – лениво отозвался мордатый.

– Странно как-то. Ехали на мотоцикле, возвращаются с грузовиком.

– Твоего ума дело?

Романчук соскочил с телеги и стал приглядываться к дороге. Затем присел и потрогал пальцем.

– Дядь Сеня! Кровь! Из кузова накапала.

– Забили кабана в деревне, теперь в часть везут. Обычное дело. У них специальная машина есть: сунут с одной стороны тушу, из другой сосиски выползают.

– Ну?

– Сам видел!

– Вкусные?

– Не пробовал.

– Вот бы дали!

– Рылом не вышел! – сердито сказал мордатый. – Что встал? Картошку начальнику свезти надо, потом домой ехать. Стемнеет скоро. Ночью партизаны шастают. Воевать захотелось? Лезь назад!

Романчук послушно залез в телегу, и мордатый полицейский чмокнул губами, подгоняя коня. Стегать не стал. Чай, не казенный конь, свой...

3

Вернувшись из марта 1942-го, Крайнев прожил в Москве пять счастливых месяцев. Его договор с владельцем банка исполнялся неукоснительно: каждое утро Крайнев проникал в будущее на день и приносил точную финансовую информацию. Для обеспечения секретности, а также избавления Крайнева от возможности ежедневно видеть самого себя, склонившегося у компьютера, установку перенесли в банк. Утром Крайнев заходил в специально выделенный кабинет и спустя короткое время выходил. Информация, скачанная на диск, поступала в распоряжение владельца банка, а Крайнев шел домой. От прежней должности начальника внутреннего аудита он отказался, чему в банке только обрадовались. Как догадался Крайнев, опасались, что проболтается. Подаренные акции Крайнев вернул Дюжему, и владелец банка за них заплатил – по рыночной стоимости. По сравнению с летом цена акций упала вдвое, но Крайнев не расстроился: дареный конь... и так слава Богу!..

Дни напролет он проводил с Настей, помогая ей освоиться в новой жизни. Крайнев планировал сделать все по порядку: краткий курс истории, особенности современного общественного устройства, экономических взаимоотношений, технические устройства... План сломался в первый же день. Настя увидела телевизор, и Крайнев включил его. Настя до ночи просидела, не отрываясь от экрана, и уснула на диване под мягкий голос диктора. Утром она увидела мужа у компьютера и заинтересовалась... Так и пошло. Телевизор сменялся компьютером, стиральной машиной или печкой СВЧ, рассказ о денежной системе перебивался лекцией о стиральных порошках... Крайнев всерьез опасался, что от такого сумбура в голове у Насти будет каша. Так оно поначалу и случилось, но затем каша заполнила предназначенные для нее горшочки, и настал черед Крайнева удивляться. Как-то он застал жену за попыткой установить на компьютер медицинскую программу. Настя стучала по клавиатуре и рассерженно шипела.

– Код активации не принимает! – пожаловалась мужу. – Все делаю по инструкции, а он пишет: «неправильный»!

Крайнев достал из лотка диск.

– Откуда?

– Съездила на «Горбушку». Продавец сказал: «Работает без проблем!»

– Пиратское ломье! – Крайнев бросил диск в корзину. – Сказала бы – купил бы лицензию.

– Она дорогая!

– Ты дороже! – Крайнев обнял жену и зарылся лицом в пышные волосы. – Юзер ты мой!

– Хорошо, что не лузер! – фыркнула Настя. – Совестно жить за твой счет! Молодая, здоровая – пора работать!

– Успеешь! – не согласился Крайнев. – Тебе надо в институт! Учеба – тоже работа!

Настя пыталась возразить, но он закрыл ей рот поцелуем.

Крайнев боялся, что будущее окажется Насте не по плечу, но вышло ровно наоборот. Он недоумевал, но, поразмыслив, понял. Девочка, переезжающая из деревни в столицу, готова к чуду. В сороковые годы прошлого столетия Настя увидела бы в Москве высокие дома, метро, трамваи, кинотеатры. В двадцать первом веке добавились компьютер, телевизор и интернет. Суть не изменилась. Настя хотела освоить мир, где жил любимый, и Крайнев изо всех сил помогал.

Наблюдая за юной женой, Крайнев поражался не только умению Насти адаптироваться в незнакомом мире. В свои девятнадцать Настя была по-житейски зрелой. Крайнев знал, что в середине прошлого века люди взрослели быстрее – жизнь заставляла, но контраст между Настей и ее московскими ровесницами был разителен. Настя уступала своим сверстницам только в одном: отношении к интимной стороне любви. Спустя несколько месяцев после заму-

жества она все еще стеснялась в постели, краснела, чем приводила мужа в совершеннейший восторг.

Трое братьев Нестеровичей, родившиеся через несколько лет после перемещения старшей сестры в будущее, отнеслись к ее возвращению со спокойной радостью. Никого не смущало, что старшая сестра годится им во внучки. Настю зацеловали, обласкали, задарили, а вместе с ней – и Крайнева. Как понял Крайнев, потому, что сестра выбрала его. Крайнев подозревал: окажись на его месте какой-нибудь марсианин с десятью шупальцами, Нестеровичи так же радушно усадили бы его за стол, налили чарку и навалили тарелку вкусной снеди. Но не, дай Бог, Настя на него пожаловалась бы. Братья Нестеровичи, несмотря на годы, оставались крепкими мужиками и запросто могли навалить обидчику.

Крайневу, рано потерявшему родителей и росшему с бабушкой, быть членом большого, дружного клана нравилось. Он больше не был одинок. Не только потому, что рядом была Настя. В любой миг он мог позвонить, а то и приехать к ранее незнакомому человеку, не сомневаясь, что тот примет, накормит, выслушает и искренне попытается помочь. Крайнев полюбил ходить в гости и принимать их у себя. Особенно он сдружился с младшим из Нестеровичей, Федором, директором кардиоцентра. Долгожданную старшую сестру Федор обожал. Крайнев искренне рассчитывал, что Федор, обвешанный дипломами, званиями и премиями, как новогодняя елка игрушками, поможет Насте с мединститутом, но вышло иначе. Однажды Настя объявила, что идет работать в кардиоцентр сиделкой. Крайнев пытался возражать, но Настя настояла. Крайнев слишком любил жену, чтобы затевать по такому поводу скандал, поэтому вначале покорно мирился с ее ночными сменами, смертельной усталостью после дежурств. Нередко приходилось на руках нести ее в дом, и Настя засыпала, припав щекой к его теплому плечу. Крайнев надеялся, что Насте скоро надоест, она возьмется за ум и станет готовиться к экзаменам. Не тут-то было. Крайнев решил поговорить с Федором. Шурин принял его в своем кардиоцентре и терпеливо выслушал взволнованную речь родственника.

– Зачем ей диплом? – спросил, когда Крайнев умолк.

– Как? – изумился Крайнев.

– Диплом требуется человеку для подтверждения нескольких лет пребывания в стенах учебного заведения, – сказал Федор. – И только. Встречаются люди, наивно считающие диплом подтверждением квалификации. Если б ты знал, сколько я видел дипломированных врачей, ничего не знающих и не умеющих, которым ручки надо отбивать, чтоб не прикасались к больному! Они выбрали профессию для престижа и денег, а вовсе не затем, чтоб лечить!

– Кстати, о деньгах! – не удержался Крайнев. – Считаешь, зарплата сиделки лучше?

Федор открыл ящик и выложил на стол толстый конверт.

– Забирай! Настя отказывается.

Крайнев взял конверт, заглянул. Денег было много.

– За что? – спросил, кладя конверт на стол.

– За это! – Федор похлопал себя по груди. – Когда человек здоров, деньги для него – главное. Затем возникает реальная перспектива лечь под мрамор и оградку, и приходит горькое понимание: деньги – хлам.

– При чем здесь Настя?!

– Идем! – Федор встал из-за стола. – Халат накинь...

Они шагали длинными, сверкающими коридорами центра; время от времени Федор открывал дверь, они входили. Крайнев видел людей, опутанных трубками и проводами, недвижимых, с бледно-серыми лицами. Возле некоторых хлопотали люди в форме кардиоцентра, некоторые лежали в одиночестве, возле кого-то дежурили сиделки. В одной из них Крайнев узнал Настю, хотел подойти, но Федор остановил. Они вернулись в кабинет, сняли халаты, и секретарь директора принесла чай.

– Любая операция, даже самая сложная – полдела, – сказал Федор, размешивая сахар ложечкой. – Видел, в каком состоянии люди? Их следует выходить, иначе труд хирургов насмарку.

– Настя – сиделка, а не медсестра! – напомнил Крайнев.

– С тех пор, как она работает в центре, у нас нулевая летальность. Ясно? – Федор швырнул ложечку на стол. – Даже в самых лучших кардиоцентрах имеются летальные случаи. Специфика. У кого меньше, у кого больше, но есть везде. А у меня – нет. Это противоречит медицинской практике, но факт. Ничего особенного Настя не делает. Сидит возле больных, разговаривает, гладит по лбу, и они поправляются. Быстро! Причем все больные чувствуют причину. Стоит Настю заменить – скандал! Это дар, у нас прабабушка так умела.

– Ты уработаешь ее до смерти!

– О чем ты! – обиделся Федор. – Гоню домой – не идет. Говорит: «Больные просят!»

– Она возле меня так сидела, – сказал Крайнев. – В январе сорок второго. Тоже гнал. Носом клевала, но не шла. На руках в постель относил.

– Чем болел? – заинтересовался Федор.

– Банальное воспаление легких. Зачем сиделка, когда есть антибиотик? Новейший, сильный.

– Что мне нравится в современных людях, – сказал Федор, – так это поголовная медицинская грамотность. Сами себе ставим диагноз, сами лечимся... Потом не знаем, как спасти. Новейший антибиотик рассчитан на подавление новейших возбудителей болезни. В сороковые годы их просто не существовало.

– В общем-то, не помог, – согласился Крайнев.

– У тебя была ретро-инфекция, смертельная для современника. Людей сегодня убивает простой дифтерит, а тут крупозное воспаление легких...

– Хочешь сказать?..

– Тебя спасла Настя. Ее любовь, самоотверженность, дар, который послал ей Господь.

– Пусть так! – не стал спорить Крайнев. – Но я не хочу, чтоб Настя умирала на работе. Она моя жена, я ее люблю.

– Можно подумать, я – нет! – рассердился Федор. – У человека может быть несколько жен, другой сестры не появится. У самого сердце болит. Поговорим с ней! Строго! Упорядочим график дежурств, исключим самые легкие случаи...

– И отпуск! – потребовал Крайнев. – Месяц!

– Неделю!

– Я обещал Насте море. Недели мало!

– Десять дней. Придется перенести ряд операций.

– По рукам! – согласился Крайнев.

– Возьми! – протянул Федор конверт. – Не беспокойся, добровольно дали. Можно сказать, силком всучили. У меня в центре побои запрещены. Вам на отпуск.

– Ладно! – согласился Крайнев...

На дворе стоял ноябрь 2008-го, мировой финансовый кризис был в разгаре, в банке ни за что не отпустили бы Крайнева в отпуск. Но незадолго до разговора с Федором состоялся еще один. Крайневу позвонил Нестерович и пригласил в центр. Однако в кабинете директора родственника не оказалось. Из-за стола встал незнакомый мужчина лет сорока пяти, среднего роста, с заметной военной выправкой. Лицо его показалось Крайневу знакомым. В то же время он мог поклясться, что не видел этого человека раньше.

– Федор Семенович любезно предоставил нам кабинет, – объяснил незнакомец, поздоровавшись. – Присаживайтесь, Виктор Иванович! Давайте знакомиться! Моя фамилия Гаркавин, Василий Петрович.

– Воинское звание? – спросил Крайнев.

- Подполковник.
- Не бог весть...
- В нашей системе возможности карьерного роста скромнее, чем в армии, – объяснил Гаркавин. – К пенсии обещали полковника.
- Пронюхали об установке?
- Нечего нюхать – пол-Москвы знает. Скоро в газетах напишут.
- Зачем она вам?
- По большому счету, незачем. Будущее открывается максимум на двадцать четыре часа, прошлое государству не интересно. Тем более что отправить в прошлое можно единственного человека. Вас. Однако нельзя позволить обладать таким устройством частному лицу. Стране не требуются новые олигархи. Со старыми не разобрались.
- Дюжий так просто отдал установку?
- Он получит государственный кредит для поддержания ликвидности банка. Значительный и на льготных условиях.
- Значит, я безработный! – вздохнул Крайнев.
- Одним из условий договора была выплата вам годовой заработной платы. Вперед. Деньги зачислены на ваш картсчет – проверьте.
- Рассчитываете, буду работать на вас?
- Рассчитываю! – признался Гаркавин.
- Зря.
- Работа не трудная. Всего лишь написать подробный отчет. С вашей уникальной памятью не составит труда.
- Это все?
- Да. Только нас интересуют мельчайшие подробности.
- Счас! – хмыкнул Крайнев.
- Взаимоотношения с противоположным полом можно опустить. Но детали перемещения в наше время человека из прошлого очень важны. Технические, – уточнил Гаркавин. – Кстати! – он достал из кармана конверт. – Возьмите! Не годится, чтоб гражданин России жил по подложным документам.
- Крайнев открыл конверт. В нем оказался российский паспорт на Настино имя, школьный аттестат и свидетельство о рождении. Фото в паспорте было Настино, на нужных страницах синели штампы о регистрации и о браке.
- Документы подлинные, – сказал Гаркавин. – Закон не нарушен. Гражданка Нестерович родилась на территории Российской Федерации, ее родители – граждане России.
- СССР!
- Российская Федерация – правопреемница СССР.
- Анкетные данные подлинные?
- В паспорте год рождения исправлен, свидетельство о рождении – настоящее. Дубликат. Архив Городского ЗАГСа пропал в войну, но областной успели вывезти.
- Молодая женщина 1923 года рождения, – саркастически заметил Крайнев. – Она очень обрадуется!
- Свидетельство о рождении редко используется в повседневной жизни, – возразил Гаркавин. – Обычно в делах о наследстве, когда нужно установить факт родства. Насколько мне известно, у Анастасии Семеновны таких проблем нет.
- Ладно! – сказал Крайнев, вставая. – Напишу!
- На составление отчета ушла неделя. В банк ходить не было нужды, Настя пропадала на дежурствах – времени хватало. Крайнев не заметил, как увлекся. Пережитое ярко встало перед глазами: люди, бои, раны, смерть... Он видел лица, слышал речь, обращенную к нему. Сам того

не замечая, отвечал... Ему было радостно и горько одновременно. Дорогие ему люди остались в прошлом, а он здесь. У них война, смерть, холод и голод, а он сидит в тепле и сытости...

Закончив отчет, Крайнев отправил его электронной почтой по указанному адресу. Подполковник позвонил через день и попросил о встрече. На этот раз – в квартире Крайнева.

– Замечательный отчет! – похвалил Гаркавин, потирая воспаленные глаза. – Ночь читал! Все подробно, ни добавить – ни убавить. Пожалуйста, подпишите. И еще просьба. Расскажите о Саломатине.

– В отчете есть.

– Я имею в виду человеческие качества. Каким он был?

– Зачем вам?

– Нужно! – подполковник вдруг застенчиво улыбнулся. – Это мой дед.

«Вот на кого он похож!» – понял Крайнев и кивнул.

С Гаркавиным в тот день они сидели долго.

– Как он погиб? – спросил Крайнев, закончив рассказ. – Дюжий рассказывал: был какой-то дурацкий приказ из Центрального штаба партизанского движения. Напасть на тылы вермахта. Без всякой нужды.

– Дюжий не прав. Бригада Саломатина получила секретное задание чрезвычайной важности. И выполнила.

– Какое задание?

– У меня нет доступа к этой информации.

– У вас? – не поверил Крайнев. – Какие могут быть секреты для вашего ведомства?

– В государственных архивах есть документы, закрытые с царских времен. Доступ к тем или иным делам строго регулируется. Простого желания узнать подробности о своем родственнике недостаточно для разрешения.

– Что может быть тайного в Отечественной войне?

– Не знаю! – Гаркавин забарабанил пальцами по столу. – Ясно одно: немцам дед насолил не по-детски. Что представляла собой партизанская бригада в то время? Максимум тысяча бойцов, обычно – в два-три раза меньше. Бывало – и сотня. Главной проблемой войны в немецком тылу было снабжение, особенно – оружием и боеприпасами. Самолетами через линию фронта много не навозишь. Поэтому командиры партизанских соединений осторожно наращивали их численность. Саломатин – не исключение. Лучше иметь сотню боеспособных людей, чем тысячу голодных, разутых и без оружия. Но в любом случае партизан – не ровня обычному солдату. Хуже вооружение, подготовка. Теперь представьте: для разгрома ничтожной с военной точки зрения боевой единицы немцы снимают с фронта моторизованную дивизию, батальон танков, авиационный полк... Плюс охранные подразделения.

– В немецких архивах документы сохранились?

– Операцию засекретили обе стороны, немцы свой архив уничтожили еще в войну. Остались косвенные упоминания. Операция «Валгалла». Любили они громкие имена. Не ясно, однако, так называлась карательная экспедиция против партизан или же нечто другое? Боюсь, не узнать. Спасибо, Виктор Иванович!

Гость встал, Крайнев тоже.

– Если я захочу вернуться в прошлое... – тихо спросил Крайнев. – Это возможно?

– Вы сильно рискуете.

– В первый раз рисковал больше. Ничего не знал, ничего не умел.

– Зато ваш бывший работодатель держал установку постоянно включенной. Вы могли вернуться в любой миг. Наша организация бюджетная, оплачивать неподъемные счета за электричество не сможет... Пять-десять минут в день, в заранее условленное время.

– Это не важно! – сказал Крайнев...

После разговора с Федором Крайнев купил две путевки в Эйлат, и они с Настей полетели в Израиль. Там светило солнце, плескались морские волны и росли пальмы. Они загорали, купались и смотрели достопримечательности. Настя, замученная работой, оттаяла и стала походить на девочку, некогда встреченную Крайневым на лесной дороге. Такой он любил ее вдвойне. Они съездили в Иерусалим, где посетили главные христианские святыни и накупили сувениров, честно пытались утонуть в рассоле Мертвого моря, любовались рыбками в океанариуме. Крайнев купил ожерелье и браслет из розовых кораллов – они удивительно шли к свежему загару Насти, она пришла в восторг и полдня крутилась у зеркала, отрываясь ненадолго, чтоб поцеловать мужа. Как некогда в 1942-м, они все время были вместе. Только однажды Крайнев оставил жену. Накануне он сделал несколько звонков, говорил по-английски, а наутро, извинившись перед Настей, вызвал такси. Маленький автомобильчик с бывшим соотечественником за рулем привез его в другой город и высадил у белоснежного здания госпиталя. Крайнев расплатился с таксистом, купил в соседней лавочке букет роз и вошел в здание. Приветливая администратор проводила его в палату. Здесь на койке лежала пожилая женщина, одетая в длинную ночную сорочку в мелкий горошек. Женщина спала. Крайнев присел и стал ждать. Прошло с полчаса, прежде чем женщина открыла глаза.

– Это ты? – спросила. – Или мне кажется?

– Я! – сказал Крайнев и неловко вложил розы в руки женщины. Она поднесла их к лицу.

– Пахнут! И колются. Не брежу. Знала, что не умру, не повидав тебя.

Крайнев наклонился и поцеловал ее руку. Слезинка выкатилась из глаза женщины и побежала по щеке.

– Ты все такой же: молодой, красивый, а я...

– Ты тоже красивая!

– Хоть бы сейчас не врал! – вздохнула женщина. – Пришел попрощаться?

– Сказать спасибо.

– За что?

– За сына и внуков.

– Ты видел их?

– На фотографии.

– В жизни они интересней! – женщина заулыбалась. – Хочешь, познакомлю?

– Будет трудно объяснить, почему отец вдвое младше сына и ровесник внуков. Я не растил их, не помогал им, не жил их бедами и радостями.

– Здесь нет твоей вины.

– Они могут посчитать иначе. Сама подумай: жизнь у людей сложилась и движется по устоявшейся колее, и вдруг – на тебе! Неизвестно откуда взявшийся отец и дед! Сочтут сумасшедшим или, того хуже, – жуликом.

– Трусишь?

Крайнев кивнул.

– Все мужики такие! – вздохнула женщина. – Воевать – орлы, а как в самом главном...

К тому же ты не еврей. Нас слишком мало на земле, мы ценим каждого родственника. Сама им скажу. Как тебя зовут, по-настоящему?

– Виктор. Виктор Иванович. – Крайнев протянул визитку.

– Непривычно. Савелий мне нравился больше. Отдам. Пусть думают.

Некоторое время оба молчали.

– Ты давно в Израиле? – спросила женщина.

– Неделю.

– Один?

– С Настей.

– Как она?

– Освоилась. Работает сиделкой в кардиоцентре. У нас все хорошо.

– Кто б сомневался! – вздохнула женщина. – С тобой, да чтоб плохо? Дура я, дура! – женщина заплакала. Крайнев наклонился и поцеловал ее в соленые щеки. – Ладно! – она оттолкнула его. – Иди! Попрошался – и будет!

Крайнев встал.

– Постой! – женщина приподнялась на кровати. – Я хочу, чтоб ты знал. Дни с тобой – самое светлое, что было в моей в жизни. Когда было трудно, я вспоминала их, и становилось легче. Спасибо! Пусть у вас сбудется, что не сбылось у меня! Благослови вас Бог!

Крайнев поклонился и вышел. В отель он вернулся к обеду и нашел Настю на пляже. Она загорала на лежаке, рядом сидел какой-то хлыщ и молот языкком. Завидев Крайневу, хлыщ растворился, словно его и не было.

– Кто это? – спросил Крайнев.

– Не знаю! – пожал плечами Настя. – Пришел, сидит, болтает, но о чем – непонятно. Я не понимаю по-английски.

– Что тут понимать! – сердито сказал Крайнев. – Ежу ясно. Его счастье, что смылся.

– Видел Соню? – спросила Настя.

– Ты знаешь? – удивился Крайнев.

– Я не понимаю по-английски, – сказала Настя, – но слово «госпиталь» одинаково во всех языках. И фамилию «Гольдман» я не забыла. Как она?

– Умирает.

– От чего?

– От болезни, которую не умеют лечить. Старость. Ей за девяносто.

– Что она сказала?

– Пожелала нам счастья. И благословила.

– Она добрая, – сказала Настя. – Потому предпочла тебе мужа. Тот был больной и слабый, а ты сильный и мог за себя постоять.

– Это правда! – согласился Крайнев. – Я и сейчас такой. Увижу еще раз приставалу возле тебя – сделаю из него пляжный зонтик! Вкопаю в песок головой вниз...

В тот вечер в отеле объявили музыкальный вечер. Крайнев с Настей танцевали, пили вино и смеялись над ужимками аниматора. В номере Крайнев наполнил ванну, усадил в нее Настю, выкупал, завернул в полотенце и отнес в постель. Она довольно жмурилась и позволила ему делать с ней, что хочет.

– Что ты задумал? – спросила Настя, когда он, умиротворенный, притих рядом.

– О чем ты?

– О том! Ты ничего не делаешь просто так – я тебя знаю. Обещал показать мне море и показал. Попрошался с Соней... Носишь меня на руках и лелеешь, как до свадьбы не лелеял. Словно просишь прощения. Куда собрался?

Крайнев понурился и сказал.

– Ну вот! – воскликнула Настя. – Я так и знала!

Слезы побежали у нее по щекам. Крайнев виновато стал их отирать, бормоча нечто примирительно-ласковое.

– Притащил меня в будущее и бросаешь! – не унималась Настя.

– Это всего лишь миг! – убеждал Крайнев. – Ты же видела. Растворился – и появился снова.

– Это здесь миг! – не согласилась Настя. – Там – месяцы! Там война, стреляют, а ты всегда лезешь под пули...

– Меня нельзя убить – я из будущего.

– А это что! – Настя ткнула в шрам на его плече.

– Подумаешь, царапнуло!

– Если неуязвимый, почему ранило?

– Настя! – сказал Крайнев. – Там Саломатин, твой отец, Валентина Гавриловна, десятки других знакомых нам людей. Они сражаются, погибают, пребывают в голоде и холоде, а я загораю на курорте, в то время как могу им помочь. Когда в банке мне запретили перемещаться в прошлое, говорить было не о чем. Но теперь появилась возможность...

– Возьмешь меня с собой?

Крайнев покачал головой.

– Не разрешат.

– Тогда и тебя не пушу!

Они спорили чуть ли не до утра и уснули не примиренные. Следующий день был предпоследним в поездке, и они провели его на пляже, почти не разговаривая. Вечером, когда Крайнев тоскливо лежал на кровати, Настя вдруг подошла и прильнула к нему.

– Когда отправляешься?

– Не скоро, – сказал Крайнев. – Бюрократическая организация: пока все согласуют...

Новый год встретим вместе.

– Да? – Настя заулыбалась и принялась его целовать. – Не обманываешь?

– Чтоб мне сгореть!

– Смотри! Обманешь – сама спалю!

– Я несгораемый! – сказал Крайнев, расстегивая ее сарафан. – Уж нас душили-душили, стреляли-стреляли, а мы – вот! Живые и здоровые, веселые и счастливые...

Крайнев оказался неправ: перемещение затянулось до марта. Проблема оказалась не только в бюрократии. Гаркавин отнесся к желанию Крайнева чрезвычайно серьезно. Крайнева заставили пройти полный курс подготовки. Учили не только стрелять из всех видов оружия, ставить и снимать мины, маскироваться на местности и организовывать засады, но и немецким речевым оборотам того времени, особенностям функционирования различных немецких учреждений на оккупированной территории, их непростым взаимоотношениям, методам борьбы с партизанами и многому другому. Как потом подсчитал Крайнев, с ним работало свыше тридцати человек. Ему пришлось выезжать на полигоны, жить там неделями, что очень не нравилось Насте.

– Зачем все это? – спросил как-то Крайнев Гаркавина. – Ну ладно, немецкая форма, документы, речевые обороты. Но иерархия взаимоотношений между воинскими чинами? Я же не в шпионы...

– Ситуация может сложиться непредсказуемо – следует исключить любую случайность, – спокойно ответил подполковник. – Как руководитель операции я несу полную ответственность за вашу безопасность. Поэтому занимайтесь, как следует! Неподготовленного человека на опасное дело я не пошлю.

Гаркавина поддержала Настя.

– Учись! – сказала сердито. – Пусть ты уезжаешь от меня, зато вернешься живой. Саломатин всегда знал, что делать, и внук у него такой же. Не ленись! Меня так учиться заставлял...

Под двойным напором Крайнев уступил, и выпускные экзамены сдал на «удовлетворительно». Накануне решающего дня он посетил Федора.

– Вот! – сказал, протягивая конверт. – Здесь завещание и доверенность на депозитные счета в банках. На всякий случай... По закону Настя – единственная наследница, но с доверенностями проще.

– Когда вы настреляетесь?! – сказал Федор, бросая конверт в ящик стола. – Никто ведь не гонит!

Крайнев повернулся и пошел к двери.

– погоди! – окликнул Федор. – Не волнуйся, Настю не оставим. Ты поосторожнее... Если встретишь отца с мамой, передай... – Федор запнулся. – Ты знаешь, что сказать.

Крайнев кивнул и вышел.

4

Когда Титу было девять лет, мать сказала ему:

– Тебе надо учиться, сынок! Землю ты не любишь...

В большой и работающей семье Фроловых Тит был младшеньким. Братья и сестры баловали его. Светловолосый, кудрявый, он с малых лет полюбил взбираться на коленки старших, обнимать и целовать их.

– Лижется, как теленок! – сердилась мать.

– Пусть! – смеялся отец. – Ласковое теля двух маток сосет.

Жизнь подтвердила пословицу. Старшие дети оберегали младшенького от тяжелого крестьянского труда. Мать ворчала, но дети не слушались. Тит получал от старших самые сладенькие кусочки, заботу и защиту, за что платил лаской. Все звали его «Титок». Прозвище закрепилось и осталось навсегда.

Мать велела учиться – Титок послушался. Это было легче, чем работать в поле или ухаживать за скотом. Учеба давалась легко, но Титок ленился сидеть за учебниками. На перемене пробегал глазами заданный параграф, домашние задания выполнял наспех. Удить рыбу в речке или собирать грибы было куда интереснее. Еще Титок любил кататься на санках и играть со сверстниками. Учительница хмурилась, но сердиться на синеглазого и улыбчивого мальчишку не могла. Титок услуживал ей, как мог: стремглав бросался мыть испачканную мелом тряпку, носил за учительницей учебники, честно докладывал о провинностях учеников. Его дразнили «подлизой» и «ябедой», но Титок не боялся: братья Фроловы могли поставить на место любого, и задирать Титка мальчишки не смели.

Сельскую школу Титок окончил с отличием, отец посадил его в телегу и отвез в район – продолжать учебу. После гражданской войны страна лежала в разрухе, время стояло голодное, но Титок не бедствовал. После революции Фроловым, как и другим крестьянам, прирезали земли, семья не щадила себя в работе, потому и жила сытно. Отец привозил младшенькому в город муку, сало, масло, творог, наказывал учиться хорошо и делиться с товарищами и учителями. Титок делился, но только с учителями. Те принимали продукты охотно: учительский паек был скудным, а цены на базаре – неподъемными. Титок по-прежнему не обременял себя учебой, но его оценки в табеле были самыми лучшими. Школьные годы пролетели быстро, учителя рекомендовали способному ученику идти в институт. Туда принимали только рабочую молодежь, а из крестьянской – комсомольцев. Титок подал заявление и пригласил секретаря школьной организации на обед. Но хмурый и тощий сын сапожника отказался.

– Ты, Фролов, типичный мелкобуржуазный элемент, – сказал сердито. – Правильно товарищ Ленин писал о крестьянстве. Ты и в комсомол хочешь за взятку пролезть. Не получится!

– Я хочу быть передовым! – возразил Титок. – Почему вы меня отталкиваете? Я не виноват, что из крестьян!

– Ладно, – неохотно согласился секретарь. – Походи на собрания, послушай. Понравится – поручение дадим...

Титок стал ходить на комсомольские собрания, где тихонько сидел в заднем ряду и внимательно слушал. Его не привечали, но и не гнали. Титок скоро понял, что от него требуется. Как-то секретарь зачитал директиву из центра, в которой комсомольцев нацеливали на борьбу с пережитком прошлого – религией. Директива вызвала у школьных комсомольцев растерянность: в городе действовали пять церквей и одиннадцать синагог, мещане отличались исключительной религиозностью, а церковные праздники отмечали даже члены партии. Как с этим бороться, никто не знал. Титок попросил слова.

– Надо сделать транспаранты: «Долой опиум для народа!», «Бога нет!», «Молодежь выбирает науку!», – предложил он, – встать с ними возле церкви и петь наши революционные песни. Пусть видят!

Предложение приняли на «ура», в райкоме его утвердили, и комсомольцы принялись за дело. Шагающие к службе прихожане шарахались от комсомольцев, вопивших, в отличие от церковного хора, не в лад, но в храм шли. Зато инициативу заметили. В район приехали журналисты из областной газеты, сфотографировали передовиков и написали восторженный репортаж. Титка большинством голосов приняла в члены ленинского союза молодежи (сын сапожника голосовал «против») и дала направление в педагогический институт.

Для изучения Титок выбрал немецкий язык. Иностраный язык в деревенских школах не преподавали, и Титок всерьез рассчитывал, что, получив диплом, он останется в городе. Жить в деревне ему не хотелось. В городе не надо с рассвета до заката ковырять землю, здесь сытнее, уютнее и больше возможностей для умного человека. Правда, к родителям Титок ездить любил. Не только потому, что они наваливали ему полные сумки вкусной снеди, с которой в городе было непросто. Семья встречала его, как героя.

– Деды наши землю пахали, прадеды пахали, а сын будет ученый! – хвастал отец за столом.

– Это мамочка надоумила! – говорил Титок, обнимая мать.

– Ладно тебе! – отмахивалась та, но Титок видел: матери приятно.

Старшие братья и сестры, давно жившие своими семьями, в дни его приезда собирались в отцовской хате и жадно внимали городским новостям. Послушать приходили и соседи. Отец радушно ставил на стол четверть самогона, мать – миски со снедью, и начинался праздник.

– Учись, сынок! – кричал отец, захмелев. – О деньгах не думай! Прокормим! Советская власть хорошая, продрозверстку отменила, крестьянина больше не ущемляет. Бедствуют только лодыри. А у нас, смотри: кобыла с жеребенком, две коровы и телка, кабанчик, птица всякая. При царе так не жили...

В институте Титок учился старательно. Преподаватели здесь были из бывших, спрашивали строго и подношения не брали. Почти все сокурсники Титка жили впроголодь, подрабатывая, кто как мог. Титок мог позволить себе только учебу. Он вынес урок из школьных лет: делился с товарищами едой и деньгами (в меру, конечно), те отвечали ему уважением. Комсомольские поручения Титок исполнял старательно. В активисты не лез, но на собраниях не отсиживался. Профессора и руководство института его хвалили. Все шло к тому, что по получении диплома студента-отличника оставят в вузе преподавателем, и Титок уже мысленно видел себя за профессорской кафедрой.

Беда случилась на последнем курсе. Титок получил письмо от сестры и, прочитав его, обомлел. Сестра, жившая с мужем в другой деревне, сообщала, что родителей раскулачили. Забрали добро, хату, а самих стариков и жившего с ними сына, в чем были, погрузили в теплушку и отправили в Сибирь. Сестра умоляла брата немедленно вмешаться, похлопотать, чтоб ошибку исправили: ведь они никакие не кулаки, батраков никогда не держали, а добро заработали собственным горбом. Сестра искренне считала, что раз Титок учится в городе, то ближе к начальству и сможет добиться справедливости.

Титок не был так наивен. Он читал газеты и знал установку партии на борьбу с кулачеством, как классом. Глаза держал открытыми и видел, что творится. Как комсомолец Титок выступал на собраниях, где гневно клеймил троцкистов и требовал сурового наказания. Но он не ожидал, что раскулачивание коснется его семьи. Родители действительно не держали батраков, разве что нанимали помощников в посевную и при сборе урожая. Желających помочь было много. Фроловы щедро платили работникам и сытно кормили. Родители вообще были не жадными. Помогали соседям, занимали односельчанам хлеб, одалживали коня... И вдруг такое!

Хлопотать Титок не пошел – испугался. Это могло навлечь беду. Комсомолец – и вдруг из раскулаченных! Он порвал письмо, отвечать сестре не стал. Она написала еще. Второе письмо Титок порвал, не читая. Учеба заканчивалась, надо было успеть получить диплом и хорошее распределение. О должности преподавателя в родном институте Титок уже не мечтал. Из этого города следовало уехать. Желательно, туда, где не хуже, но никто не знает о родственниках. Не вышло. Однажды Титок, как обычно, пришел на занятия и увидел на стене объявление: вечером комсомольское собрание. Повестка дня: «Персональное дело комсомольца Фролова Т.И.». Титок видел, как перешептываются его товарищи, как сторонятся его, и понял: для них он уже никто. Исключат из комсомола, а после немедленно выгонят из института. Куда идти? В батраки? Или грузчики? Титок переборол страх и решил сражаться.

Собрание началось, как Титок и предполагал. Секретарь комитета комсомола сообщил о раскулачивании семьи Фроловых и попросил присутствующих высказаться по существу. Титок немедленно вскочил:

– Можно мне?

– Вас мы выслушаем позже! – оборвал секретарь.

– Почему мне затыкают рот? – возмутился Титок. – Я пока комсомолец!

Секретарь растерялся. Титок нагло вышел к трибуне.

– То, что вы слышали, – не вся правда! – сказал он. – Я давно порвал со своими родителями-эксплуататорами. Отрекся от них!

Зал недоверчиво загудел.

– Я год, как не езжу в деревню! – продолжил Титок. (Это было правдой, но Титок просто готовился к государственным экзаменам.) – К тому же, товарищи, вы меня знаете. Я живу с вами в одном общежитии, мы вместе учимся, делим кусок хлеба, участвуем в одних мероприятиях. Разве я когда-нибудь призывал щадить врагов? Отказывался от поручений? Якшался с мелкобуржуазными элементами? Я не виноват, что у меня такие родители! Товарищ Сталин сказал: «Сын за отца не отвечает!» Или вы не согласны с товарищем Сталиным?!

Зал растерянно умолк.

– Ты знал, что родители раскулачены? – спросил секретарь.

– Знал! – признался Титок.

– Почему не сообщил в комитет комсомола?

– Стыдно было! – повесил голову Титок.

Позже Титок не раз укорял себя за это признание. Избранную линию защиты следовало гнуть до конца. Титок просто испугался. В своем неумном стремлении спасти родственников сестра могла написать в инстанции, и в тех письмах упомянуть о брате.

Собрание зашумело. Люди чувствовали, что Титок врет, но выступать против товарища Сталина никому не хотелось. Титка осуждали за малодушие, которое он проявил, скрыв факт раскулачивания. И наказали его жестоко: выговор с занесением в учетную карточку – самая суровая мера перед исключением из комсомола. В институте Титка оставили, но о светлом будущем следовало забыть. Его блестящие ответы на государственных экзаменах комиссия оценила лишь на «удовлетворительно», и всем было понятно, почему. Распределение Титок получил в родной район.

Поначалу Титок не слишком огорчился. Районный центр, где он окончил школу, был не маленьким: здесь работали четыре школы и библиотека, кинотеатры, магазины, по выходным в парке играла музыка и танцевала молодежь. Но ему пришлось разочароваться.

– В городе нет вакансий преподавателей иностранного языка! – сообщил заведующий отделом народного образования по фамилии Абрамсон.

– Вы посылали заявку на специалиста! – удивился Титок.

– Правильно. Вы давно не были в родных местах, товарищ Фролов, – сказал Абрамсон. – Пока вы учились, в районе построили торфяной завод. Рабочий поселок, большая школа.

Директор, товарищ Нудельман, хочет, чтоб детей в поселке учили по-современному, и районо пошел навстречу. Вам там понравится. Завод предоставляет бесплатную квартиру, хороший паек...

Бесплатная квартира оказалась комнатой в бараке для семейных, а паек – правом обедать в заводской столовой. Для разработки торфяных залежей в поселок съехался пестрый люд. Днем рабочие размывали торф, заполняли им формы, а высушенные ломкие брикеты, похожие на маленькие буханки хлеба, везли по узкоколейке на электростанцию, где их сжигали в топках для получения электричества. Вечерами в семейном общежитии было шумно. Рабочие пили, ругались с женами, дня не проходило, чтоб во дворе не кипела драка. Титок запирался в своей комнате, и, лежа на койке, тоскливо смотрел в потолок. Детки у рабочих были похожи на родителей: учиться не хотели, грубили учителям, хулиганили. Титок их не любил, дети платили ему взаимностью. Откуда они провели его детское прозвище, было неясно, но за глаза даже взрослые звали учителя «Титок». Фролов с ужасом думал о будущем. Следовало, кровь из носу, перебраться в райцентр. Титок принялся обхаживать Абрамсона. Приезжая в район, заносил ему то медку, то ветчины, то ягод с грибами. На подношения денег не жалел. Абрамсон принимал подарки благосклонно, но ничего конкретного не обещал. Титок знал, что из трех учителей немецкого в городе двое преклонного возраста, один постоянно болеет. Однажды пожилой учитель слег и уже не поднялся. Титок немедленно полетел в районо.

– Эту вакансию займет молодой специалист, товарищ Рабкина! – огородил его Абрамсон. – Она как раз оканчивает институт.

– Почему не я? – обиделся Титок. – У меня опыт работы, пусть Рабкина едет в поселок!

– Учителя в районе должны быть самыми лучшими, – сказал Абрамсон. – Рабкина отличница и прекрасно говорит по-немецки. Я ее с детства знаю. У вас произношение хромает.

– А может, фамилия не та? – спросил Титок.

– Что вы хотите сказать!?! – побагровел Абрамсон.

– Был бы я Гершензон или Кацман, местечко нашлось бы!

– Вы забываетесь!

– Да ну! – Титок вспомнил комсомольское прошлое. – Развели здесь кумовство и родство! У советской власти все национальности равны. Буду жаловаться!

– Не советую! – Абрамсон встал из-за стола. – Если вы забыли о своих раскулаченных родителях, то мы помним!

Титок бешено глянул на ненавистного еврея, ничего не сказал и вышел.

Надежда на лучшую жизнь рухнула. Следовало приспособливаться к той, которая имела, и Титок, погоревав недолго, этим занялся. Он женился. Невест в Торфяном Заводе хватало. Одних парней призывали в армию, другие уезжали на заработки, а девушки оставались. На холостого учителя поглядывали с интересом. Невысокий, рано начавший лысеть Титок не считался красавцем. Зато имел высшее образование, ходил в костюме и галстук, чем выгодно отличался от грязных и пьяных рабочих. Хотя он так же чавкал за едой и сморкался двумя пальцами, но не пил, не курил и не ругался матом. В поселке единодушно считали его интеллигентом.

Титку нравилась Аня, секретарша Нудельмана. Высокая, стройная брюнетка с медовыми глазами, она приковывала мужские взгляды – впрочем, без взаимности. Мужчины для Ани не существовали: никто в поселке не мог похвастаться, что хотя бы проводил недотрогу до дому. Поговаривали, что Аня у Нудельмана не просто секретарша. Директор – пузатый, страшненький еврей с тонкими ножками и вывороченными влажными губами, жил с семьей здесь же, в большом красивом особняке. У него было четверо детей и рано располневшая жена с усиками, как у мушкетера. Вечерами Нудельман нередко задерживался в конторе допоздна, Аня – тоже. Чем они занимались в кабинете директора, не знал никто, но кумушки судачили. Аня одева-

лась лучше всех в поселке – на зарплату секретарши таких обнов было не купить, что только усиливало подозрения.

Титок сплетням не верил. Чтоб такая красавица да со страшилищем Нудельманом? У Титка замирало сердце, когда он видел Аню, она же его не замечала. Титок понимал, что с зарплатой школьного учителя претендовать на такую девушку невозможно, и смирился. Выбор его удивил поселок. Титок женился на разведенке, старше его лет на пять. Маруся была приземистой и некрасивой, зато у нее имелся собственный дом с большим участком, в сарае бляля козы и квохтали куры. Свадьбу играть не стали: все-таки у невесты это был второй брак, зарегистрировать его в ЗАГСе Титок тоже не стал. В ту пору это мало кто делал – советская власть признавала фактические браки, так что молодая не возражала. Титок собрал небогатые пожитки и перебрался к Марусе.

Получив в мужа интеллигента, Маруся расцвела. Она не могла иметь детей, из-за чего от нее ушел муж – это знал весь поселок. Повторное замужество представлялось невозможным. В свои тридцать Маруся считалась старухой, к тому же бездетной. Она смирилась с ролью бобылки, как вдруг такой человек обратил внимание! В счастье трудно было поверить, но Титок не пожалел ласковых слов. Маруся мгновенно влюбилась. Мужа она обожала. Лелеяла, как ребенка, которым ее обделила судьба: вкусно кормила, красиво одевала, оберегала от тяжелой работы. Титок не пахал огород, как это делали другие мужчины в поселке, не ухаживал за скотиной и не косил траву козам. Всем занималась Маруся. Нанимала людей, сажала картошку, покупала сено и выпасала коз. В поселке Титка не осуждали. В представлении людей, интеллигент не должен копать в земле – иначе зачем учиться? Над учителем математики, гонявшим коз на луг, посмеивались. Поселок единодушно считал, что Титок женился по расчету, что только добавляло уважения учителю немецкого. В Торфяном Заводе ценили богатство и не придавали значения чувствам. Ту же Аню, которую молва связывала с директором, не столько осуждали, сколько завидовали ей.

Марусинами заботами Титок округлился, обрел важную походку и горделивый вид. На работу и домой шагал степенно. Прохожие с ним здоровались, Титок кивал в ответ. С Марусей они жили замкнуто: в гости не ходили, гостей не принимали. У Маруси родни не было (родители умерли), а Титок со своей не знался. Он боялся показаться на глаза братьям и сестрам, поэтому с облегчением узнал, что они уехали в Донбасс. Туда, на шахты, бежали многие. Стране требовалось много угля, и прошлым шахтеров в Донбассе не интересовались.

Война грянула неожиданно. Разумеется, Титок читал газеты, слушал радио (это было главным его занятием), но не предполагал, что все случится так вдруг. В первый же день поселковые комсомольцы побежали в военкомат, а Титок и не подумал. Во-первых, из комсомола он тихо выбыл по возрасту, во-вторых, сама мысль бросить спокойную, размеренную жизнь и идти на войну ему не нравилась. Комсомольцев военкомат отослал обратно (Титок втайне злорадствовал), только спустя неделю их все же призвали. До Титка очередь не дошла. Потом в районе появились немцы. В Торфяной Завод они не заезжали, хозяйничали в районе. Оттуда доходили противоречивые слухи. Одни утверждали, что немцы безжалостно расправляются с коммунистами и евреями, другие – что толковых людей немцы привечают и ставят на высокие посты. Титок неделю думал, затем велел Марусе собрать гостинец, попросил у соседа коня с телегой и поехал в район.

К его удивлению, при въезде в город его никто не остановил, и Титок завернул к приятелю-учителю. Тот выглядел испуганным, но гостинец, а вместе с ним и Титка, принял. Они выпили самогона, закусили яичницей с салом, и приятель разговорился. Он сообщил, что немцы обустроиваются в районе всерьез: если верить их газетам, советской власти пришел конец, не сегодня-завтра Москва падет. Титок получил подтверждение всех слухов. Бухгалтер коммунхоза Шингарев стал бургомистром, начальником полиции немцы поставили изгнанного из партии за пьянство и страсть к женщинам бывшего милиционера. Титок знал обоих. Шин-

гарев был тихим и незаметным человечешкой, похожим на вечно дрожащую мышку. Бывший милиционер работал грузчиком, его мятое лицо сильно пьющего человека вызывало брезгливость. И такие люди стали начальниками! Приятель сообщил также, что евреев, коих в городе было множество, немцы расстреляли.

– Всех? – удивился Титок.

– Всех! – подтвердил приятель. – Мужчин, женщин, детей. Полдня через город гнали. За городом выкопали ров, загнали туда... Никто не убежал!

«Нудельман-то успел! – подумал Титок. – Забрал семью и уехал». Но приятелю Титок ничего не сказал. Он сидел у окна и внезапно увидел мальчика с девочкой лет четырех-пяти. Оборванные, чумазые, они подошли к забору и стали просительно заглядывать в окно.

– Кто это?

Приятель приподнялся на стуле и трясущейся рукой потянулся к занавеске.

– Еврейчики! Родители перед расстрелом их спрятали, сами погибли, а дети вылезли и подбираются. Кое-кто подает... Люди боятся: немцы за помощь евреям расстреливают. Никто не берет их к себе – ночуют в стогах. Сил нет смотреть, как мучаются, но как помочь?

Титок взял со стола два ломтя хлеба и встал.

– Ты что?! – испугался приятель. – Только не здесь! Увидят – смерть!

– Спасибо за хлеб-соль! – сказал Титок и вышел.

За воротами он отдал хлеб детям. Те жадно схватили ломти и, давясь, стали жевать. Титок отвязал повод лошади от забора и показал детям на телегу. Те радостно забрались. Титок сел сам и стегнул коня вожжой.

У здания бывшего райкома партии, теперь немецкой комендатуры, стоял часовой.

– Мне нужно видеть господина коменданта! – сказал Титок по-немецки. – Очень важное дело.

Часовой окликнул пробежавшего мимо солдата, тот шмыгнул в здание, спустя некоторое время на улицу вышел высокий, грузный офицер в мундире мышиноного цвета. В правой руке он держал зубочистку, которой энергично ковырялся во рту.

– У кого тут важное дело?

– У меня, господин комендант! – подобострастно поклонился Титок. Он снял с телеги мальчика с девочкой и поставил их перед немцем. – Это еврейские дети, прятались от властей.

– Хорошо говорите по-немецки! – сказал комендант, выплевывая зубочистку. – Фольксдойч?

– Русский, учитель немецкого.

– Уверены, что это еврейчики?

– Абсолютно!

Немец достал из кобуры пистолет и выстрелил в девочку. Она легла на землю, как ворох тряпья. Мальчик, прежде чем упасть, недоуменно посмотрел на Титка.

– Заходите! – сказал комендант, пряча пистолет в кобуру. – Часовой присмотрит за конем...

– Вы слишком медлили! – сказал комендант после того, как Титок изложил просьбу. – У меня есть бургомистр и начальник полиции, сформирована управа. Это не означает, что рейх отказывается от ваших услуг, – усмехнулся немец, заметив, как вытянулось лицо просителя. – Населенный пункт, где вы проживаете, представляет интерес. Нужно в ближайшие дни возобновить работу торфяного завода, а прежде – утвердить в поселке и вокруг него новый порядок. Для начала – создать полицию. Найдите преданных и решительных людей, они принесут присягу фюреру, после чего получают оружие и полномочия. Возьметесь?

– Что я могу обещать людям? – спросил Титок.

– Все, что угодно! Они будут получать жалованье, форму, продукты, лекарства. Мы не большевики! Рейх щедро вознаграждает тех, кто служит ему...

Обратной дорогой Титок обдумывал предложение коменданта и ко времени приезда в поселок все решил. Достав из погреба четверть самогона, он направился по намеченному адресу. В Торфяном Заводе и окрестных селах хорошо знали семейство Коновальчуков. Это был целый клан: три брата, их подростки дети – десяток наглых и решительных мужиков. Коновальчуки не работали на заводе. По их мнению, горбатиться на советскую власть за нищенскую плату пристало лишь трусам и недоумкам. Чтобы не попасть под статью о тунеладстве, Коновальчуки где-то числились: кто сторожем, кто возчиком, но основным занятием клана было браконьерство. Лес, росший вокруг поселка, Коновальчуки знали, как родной дом. Добываемая в нем дичь, как и рыба, выловленная сетями в прилегающих озерах, шла на пропитание семьи, излишки продавались. Лес Коновальчуки считали своей вотчиной, и конкурентов, вздумавших посягнуть на доход клана, жестоко избивали. Об этом знали, охотников связываться с лихой семейкой находилось мало. Коновальчуки были головной болью милиции, время от времени кого-нибудь из них ловили с поличным, но советская власть, беспощадно уничтожавшая врагов народа, была гуманна к браконьерам: очередной Коновальчук получал год-два отсидки, а по возвращении домой принимался за старое. Дома Коновальчуков стояли на окраине, рядышком, похожие, как близнецы: рубленые пятистенки за высокими заборами.

Старший из Коновальчуков, выслушав Титка, позвал братьев и попросил повторить для них.

– Словом, станем здесь хозяевами! – сказал он, когда Титок умолк.

– Начальником буду я! – напомнил Титок.

– Это – пожалуйста! – согласился Коновальчук. – Ты, Тит Игнатьевич, человек правильный – кому, как не тебе, быть начальником? Ученый, по-немецки знаешь. Давай свой самогон!..

Назавтра Титок отвел Коновальчуков в район. Клан дружно произнес присягу фюреру, получил оружие (винтовки Коновальчуки выбирали тщательно), после чего отправился служить рейху.

– Первым делом очистить территорию от большевиков и евреев! – напутствовал Титка комендант.

У Коновальчуков было другое представление о начале. По приезде в поселок они направились к дому Глашки. При советской власти та заведовала поселковым магазином. Услышав о войне, люди кинулись скупать керосин, мыло, соль и спички. Глашка мигом продала товар, но, как скоро выяснилось, не весь. Большую часть припрятала в сарае и теперь ломилась за дефицит несусветную цену. Коновальчуки деловито сбили с сарая замок и принялись грузить на телеги коробки и бидоны.

– Что вы делаете? – завопила Глашка, выскакивая из дому. – Бандиты! Воры! Креста на вас нет! Жаловаться буду!

Старший Коновальчук двинул Глашку прикладом в живот, та задохнулась и упала.

– Утихни, спекулянтка! – сказал Коновальчук, вешая винтовку на плечо. – Жаловаться она будет! Кому? Мы теперь власть! Вздумаешь дальше орать – расстреляем!

Конфискованное у Глашки добро Коновальчуки честно поделили, выделив солидный кусок начальнику.

– Немцы требуют ловить большевиков! – напомнил Титок, принимая мешок.

– Не беспокойся, Игнатьич! – сказал старший Коновальчук. – В лесу неделю красноармейцы живут, пятеро. Окруженцы, с винтовками. Мы их не трогали, поскольку оружие у них. Теперь наша сила. В Заболотье учительница жидка прячет... Завтра утречком всех приведем...

Коновальчук оказался человеком слова. Когда понурые задержанные предстали перед Титком, среди них он с радостью узнал Абрамсона.

– Похвально! – сказал комендант, рассмотрев задержанных. – Быстро работаете, Фролов! Заслуживаете награды.

– Можно, я расстреляю этого? – спросил Титок, указывая на Абрамсона.

– Пожалуйста! – улыбнулся комендант. – Впредь не спрашивайте! Это ваш долг...

Пленных красноармейцев немцы забрали в лагерь, Абрамсона и учительницу отвели за город. Вскинув винтовку, Титок с наслаждением смотрел, как бледнеет лицо ранее грозного заведующего районо.

– Что, жидок! – сказал Титок. – Будешь говорить о произношении?

– Можно подумать, вы бы не устраивали своих! – ответил Абрамсон.

– Ты – это ты, а я – это я! – сказал Титок, спуская курок...

Обратно в поселок Титок вернулся с большим чемоданом. Комендант позволил ему выбрать среди вороха изъятых у евреев вещей, что пожелает. Однако к Марусе Титок не пошел, отправился к Ане.

– У тебя ключи от дома Нудельмана? – спросил с порога.

Аня испуганно кивнула. В поселке знали о подвигах подчиненных Титка.

– Идем, откроешь!

Семейство Нудельманов убегало в спешке. Титок нашел в буфете посуду, в шкафу – одежду. Титок никогда ранее не бывал в доме директора и был поражен богатством обстановки: кожаный диван, резные шкафы, двуспальная железная кровать с никелированными шарами. В доме не было заметно следов поспешного бегства: везде чисто, аккуратно.

– Ты прибирала? – спросил Титок.

Аня кивнула.

– Не надоело работать на жидов?

Аня посмотрела недоуменно. Титок бросил чемодан на диван, открыл и стал развешивать на спинке шелковые платья, юбки, блузки, поверх всего выложил шубку из песка.

– Нравится?

Глаза Ани горели.

– Тебе! – подтвердил Титок. – Как этот дом и все, что в нем имеется. Будешь хозяйкой. Но не для уборки-готовки. Найдем домработницу.

– У вас есть жена! – напомнила Аня.

– Я в разводе! – ответил Титок. – С сегодняшнего дня...

Два военных года пролетели, как миг. При содействии Коновальчуков Титок быстро наладил работу завода. Запуганные жители поселка работали за гроши и не смели роптать. Имущество колхозов было роздано крестьянам, но взамен немцы потребовали поставок. Размер их рос год от года, крестьяне хмурились, но роптать не смели: Коновальчуки и сформированные с их помощью полицейские части были скоры на расправу. Местные комсомольцы попытались организовать партизанский отряд. Воевать мальчишки не умели: достали несколько двустовлок, отрыли в лесу землянки и жили в них, не выставив часовых. Коновальчуки мигом выследили горе-партизан, нагрянули на рассвете и отвели незадавшихся вояк в район. Там юных партизан повесили, а их дома Коновальчуки сожгли, предварительно ограбив до нитки.

Клан Коновальчуков быстро богател, а вместе с ним – и Титок. Полиция брала с крестьян больше, чем требовали немцы, разница шла в дома новых начальников. Титок держал домработницу и кухарку (Аня выбрала их лично), не садился обедать без бутылки на столе, мясо ел каждый день и помногу. Теперь он не жалел, что опоздал к раздаче портфелей. В районе, под немцами, было не так сытно. В Торфяном Заводе он считался хозяином жизни и смерти тысяч людей: его боялись, ему угождали, на него опасались косо глянуть. Ночами Аня горячо обнимала его и, угождая мужу, постоянно что-то придумывала. Титок захлебывался от страсти. Огорчало одно: детей не получалось. Поначалу Титок утешал себя, что нужно время, но прошло два года – и ничего. Он решил поговорить с женой. Аня разговора как-то сразу испугалась и отвела глаза, а Титок, заметив, стал наседать.

– У меня был аборт... – выдавила Аня.

– Аборт?! – задохнулся Титок. – От кого?

– Директор...

Титок онемел. Сплетни оказались правдой. Его жена, красавица и недотрога Аня, на которую он едва не молился, на самом деле с Нудельманом... Поганим жидом!.. Титок мог бы понять, случись у Ани любовь с кем-нибудь из парней поселка: красивых и статных среди них хватало. В конце концов, он брал ее не девственницей. Но жить со старой обезьяной Нудельманом из-за денег (из-за чего ж еще?)... Получается, ему достались жидовские объедки?..

– Курва!.. Блядь!.. Убью!.. – Титок остервенело хлестал жену по щекам, потом стал месить кулаками. Точно убил бы, но Аня вырвалась и в одной рубашке убежала в ночь. Преследовать ее Титок не стал. Собрал и выбросил за порог Анины вещи, запер дверь. После чего напился.

Семейная жизнь кончилась, а вместе с ней – и спокойные времена. В прилегающий к поселку лес зашли партизаны. Это были не местные комсомольцы. Еще на пути к лесу партизаны разгромили гарнизон в соседнем районе, в течение двух недель подстрелили десяток полицейских Титка. Встревоженные немцы прислали в помощь полицейскую роту, несколько дней учили обленившихся подчиненных Титка тактике антипартизанских действий. Наука пригодилась. Темной ночью партизаны пошли на поселок, но их вовремя заметили. Разгорелся жестокий бой. На помощь прибыли полицейские из соседних деревень, совместными усилиями удалось загнать партизан обратно. В ночном бою погибли трое Коновальчуков, в том числе самый старший из братьев. Титок почувствовал, что осиротел. Его прежние благополучие держалось на Коновальчуках, особенно старшем – самом умном и решительном. Это они все делали и руководили, а Титок только надувал щеки. Теперь предстояло самому. Титок боялся этого, но еще больше – смерти, заглянувшей ему в глаза. В ночном бою возле него свистели пули, рядом падали и умирали люди. Ему вновь захотелось в большой город. Там немецкий гарнизон, укрепления, твердая власть... Решение нашлось быстро. В сентябре Титку исполнялось тридцать пять – удобный повод. Комендант и районное начальство охотно согласились приехать в гости к лучшему начальнику местной полиции. Потрепанные в бою партизаны сидели в лесу и помирали с голоду. Кого бояться?

Гостей следовало ублажить, и Титок прыгнул выше головы. Полицейские неистовствовали. Из окрестных деревень везли поросят, кур, яйца, масло... Часть продуктов предназначалась для гостинцев – в районе с питанием было неважно. В актовом зале правления завода сбили длинные столы, накрыли их конфискованным у крестьян полотном. Накануне долгожданного дня поварахи не спали. Да и Титок едва прикорнул, напряженно размышляя, не упустил ли чего.

Немцы ожидали к обеду, но с рассветом Титок был на ногах. Проверял, пробовал, отдавал распоряжения... За хлопотами едва не прозевал, как к заводскому правлению подъехали мотоцикл и крытый брезентом грузовик. Выскочил наружу. Два немца в шинелях и с овальными бляхами на груди спрыгнули на утрамбованный полицейскими сапогами плац.

– Герр Фролов? – спросил тот, что был повыше.

Титок испуганно кивнул.

– Фельфебель Штирлиц, охранная дивизия. Ожидаете гостей?

Титок, холодея, подтвердил.

– Нам поручено охранять господина коменданта.

Титок обрадовался и обиделся одновременно. С одной стороны, ответственность за гостей лежала теперь на немцах, с другой – получалось, что ему не слишком доверяют.

– Где будут построены полицейские? – спросил фельдфебель, не обратив внимания на его терзания.

– Построены? – удивился Титок.

– Господин комендант наверняка пожелает обратиться к полицейским с напутственным словом, – пояснил немец. – Следует к его приезду собрать личный состав. Весь. Мы заменим ваших людей на постах и будем охранять поселок, пока мероприятие не закончится.

Титок заулыбался: ситуация прояснилась. Чертовски умный народ немцы! Все предусмотрели! В самом деле, кто будет оборонять от партизан, вздумай он по собственной инициативе собрать подчиненных? А собрать надо. Коменданту будет приятно: он сможет лично убедиться в исправном состоянии полицейской части.

Титок подозвал подчиненных и отдал распоряжение. Четыре немца с ручными пулеметами выпрыгнули из кузова грузовика. Один из немцев был гигантом, шинель была ему явно мала и не закрывала даже колен. Титок повел их занимать огневые точки. Два пулеметчика расположились в угловых комнатах правления, другие заняли дома по краям плаца. Титок дал полицейского в сопровождение унтеру, тот прыгнул в коляску мотоцикла, и немцы укажили менять посты. Титок только выговорил право оставить полицейских на главной дороге, и фельдфебель согласился.

– Герр комендант будет доволен. Здесь зона действия полиции. Герр комендант не знает о нашем приезде, так распорядились в округе. Мы будем незаметны.

Титок на радостях предложил фельдфебелю выпить и закусить, но немец отказался.

– Потом, герр Фролов... – сказал туманно.

За час до обеда полицейская рота стояла на плацу. В вычищенных мундирах, надраенных сапогах полицейские томились под не по-осеннему щедрым солнцем, но отлучиться не смели. Титок бросал на подчиненных грозные взгляды, затем бежал в зал, где в таком же нетерпении томился щедро уставленный блюдами и бутылками стол, – проверить, не утащили ли чего. Он совсем истомился, когда на дороге показался всадник – нарочный, выставленный на главной дороге.

– Едут!

Титок приосанился и побежал к дороге. Через несколько минут на ней показались брички. В первой важно сидел комендант. Едва он ступил на землю, как Титок подлетел с рапортом.

– Герр комендант! Полицейский гарнизон Торфяного Завода по случаю вашего прибытия построен!

– Зачем? – удивился комендант. – Я ж на именины... Впрочем, если собрали...

Комендант и сопровождавшие его офицеры, начальник районной полиции и бургомистр встали напротив замерших полицейских. Титок пристроился слева от немца.

– Бравые вояки! – заметил комендант, разглядывая вытянувшихся полицейских. – Я знал, герр Фролов...

Договорить немец не успел. Пулеметная очередь, затем другая, третья разодрали воздух. Титок с изумлением увидел, как кулями валяются на землю прошитые пулями полицейские, в следующее мгновение что-то тяжелое упало на него, и Титок оказался на земле. На короткое время он потерял сознание, а когда очнулся, больше не стреляли. Титок лежал лицом вниз, сверху примостился некто тяжелый, вокруг ходили люди. Разговаривали по-русски. Титок пытался посмотреть хотя бы глазком – не получилось. Дышать было тяжело, но Титок решил терпеть. Пусть нападавшие уйдут, потом он выберется.

Не получилось. Тяжесть, давившая его, вдруг исчезла, и Титок получил ощутимый пинок в бок. Не удержавшись, вскрикнул.

– Дядя Саша! – раздался сверху звонкий голос. – Этот живой!

Неведомая сила подняла Титка и поставила на ноги. Рядом валялся убитый комендант – это его труп придавил Титка к земле. Титок скосил взгляд и увидел того самого немца в короткой шинели. Он держал Титка за ворот и смотрел недовольно.

– Надо же! Прямо в них целил! – сказал гигант, выпуская ворот. – Живучий, сука!

– Отведу его к Саломатину! – сказал подросток с винтовкой – тот самый, что обнаружил Титка.

Гигант пожал плечами, и подросток ткнул стволом винтовки пленного:

– Пошел!

Они пересекли плац и зашли в правление. Дорогой Титок успел осмотреться. Плац был завален трупами полицейских и немцев. Они лежали кучами и порознь. Некоторые в отдалении. Эти, видимо, пытались убежать, но пули догнали. Титок вспомнил, что сам помогал расставлять пулеметчиков и едва не застонал от досады. Сомнений не было: немцы на мотоцикле и в грузовике оказались переодетыми партизанами, Титка провели, как дитя. Теперь партизаны ходили по плацу, переворачивали трупы, разыскивая живых, раненых добивали штыками и прикладами. Некоторые стаскивали с убитых сапоги. Титок прошел мимо распахнутой двери в актовый зал. Любовно накрытые им столы успели разгромить. Забегавшие в зал партизаны хватили с блюд куски и, жуя на ходу, убегали. Другие сидели на стульях и ели не спеша. Никто не пил, даже бутылок на столах не было видно.

Подросток отвел Титка в бывший кабинет Нудельмана, два года назад занятый начальником полиции. Теперь в кабинете хозяйничали другие. Оба переодетых немцами партизана, фельдфебель и унтер, сидели за столом. Причем маленький унтер занимал главное место, а высокий фельдфебель пристроился сбоку. На вошедших они не обратили внимания.

– Нам не хватает повозок! – сердито говорил унтер. – В конюшне только три, еще десяток по поселку соберем. Только для раненых! Здесь оружие, патроны, продовольствие...

– Грузовик! – возражал фельдфебель.

– Не пройдет лесными дорогами. Узкие, в ямах... К тому же шум мотора далеко слышно, а мы ночью двинемся. Придется бросить...

Подросток у дверей неловко стукнул прикладом о пол. Переодетые партизаны замолчали и уставились на гостей.

– Зачем его притащил? – сердито спросил лже-унтер. – Шлепнул бы во дворе!

– погоди! – лже-фельдфебель встал и подошел к Титку. – Сам герр Фролов! Ты-то нам и нужен. Жить хочешь?

Титок закивал.

– Какая жизнь, Савва! – донеслось от стола. – Ты что?

– Сам говорил про повозки! – ответил тот, кого называли Саввой. – Вот герр Фролов нам их и доставит.

– Как?

– Позвонит по телефону в полицейские гарнизоны и велит пригнать.

– А ведь точно! – согласился лже-унтер. – Звони, гнида!

Титок на негнущихся на ногах подошел к аппарату и крутанул ручку. На другом конце провода отозвались сразу.

– Что там за стрельба у вас? – спросили недовольно.

– Салют! – сказал Титок. – Не знал?

– Молодец! – прошептал лже-фельдфебель Титку и заговорщицки подмигнул.

– Это вы, господин начальник?! – стушевались на другом конце провода.

– Я! Немедленно соберите подводы – все, что есть, и гоните в Торфяной завод. Из Заболотья тоже пусть гонят.

– Понял, господин начальник! Сей же час!..

Титок положил трубку и вопросительно посмотрел на партизан.

– Я б не отпускаял! – с сомнением сказал маленький.

– Обещали! – возразил высокий. – Пусть идет! Не заживется! Думаешь, немцы его приласкают?

– Точно! – улыбнулся маленький. – К стенке поставят, как пить дать. Коменданта с офицерами угробил. Петька! Отведи гниду домой, не то наши пристукнут.

Титок вновь вышел во двор и под конвоем Петьки побрел по улице. Идти предстояло недалеко – бывший дом Нудельмана был в ста шагах от правления. «Надо бежать! – размышлял Титок дорогой. – Как только уйдут партизаны. Они правы: немцы меня не помилуют. Выправлю нужные документы – и подальше! Деньги есть...»

Петька подвел его к крыльцу и отступил на шаг.

– Сымай сапоги!

Титок послушно стащил с ног хромачи и поставил на ступеньку.

– К стенке!

– Ты что, мальчик! – растерялся Титок. – Меня отпустили...

– Я тебя не отпускал! – сказал Петька и шмыгнул носом. – Твои полицаи мамку мою убили и братьев... Становись, гад!

Волоча по земле портянки, Титок встал к стене. Петька вскинул винтовку.

– Хоть...

Титок хотел сказать: «Хоть пожил!». Не успел...

5

«Москва. Судоплатову.

23 сентября партизанская бригада вышла в квадрат 13–55 и встала на отдых. Радиомолчание с 30 июля 1943 обусловлено отсутствием запасных батарей к радию и сложностями обстановки. В ходе завершения рейда в рамках операции „Рельсовая война“ бригада попала в окружение в квадрате 14–89. Сильные полицейские гарнизоны в населенных пунктах Торфяной Завод, Заболотье и Петришки, выставленные ими подвижные дозоры препятствовали скрытному выходу бригады в район намеченной дислокации. Предпринятая в ночь на 17 августа попытка прорыва не удалась. Бригада потеряла 37 человек убитыми и 46 ранеными, из которых 21 впоследствии умерли. Причиной неудачи прорыва стала малочисленность личного состава и отсутствие надлежащего количества боеприпасов. К 20 сентября в строю числилось 97 бойцов и командиров, боекомплект составлял 10 патронов на винтовку и полмагазина на автомат. Не было медикаментов, ощущались трудности с продовольствием. Руководством бригады был разработан план выхода из окружения малыми группами, при осуществлении которого пришлось бы оставить большинство раненых. В условиях чрезвычайной активности противника шансы выхода личного состава в заданный район дислокации расценивались, как минимальные.

21 сентября в расположении бригады появился человек, назвавшийся интендантом третьего ранга Брагиным. Каких-либо документов при нем не оказалось. Командиром бригады и мною лично он был опознан как тот самый Брагин, под руководством которого в 1941 г. в Городском районе Н-ской области был создан партизанский отряд, ставший основой бригады. При активном участии Брагина в 1941–1942 гг. было осуществлено несколько операций, в частности: взрыв моста на рокадной дороге накануне наступления Красной Армии под Москвой, уничтожение немецкого гарнизона в Городе с последующим его захватом и сохранением района свободным от немецкой оккупации. После захвата Города Брагин исчез. Как пояснил Брагин на допросе 21 сентября, он выполнял специальное задание и потому не мог далее оставаться в Городе. Раскрыть задание и орган, его отдавший, Брагин отказался. На допросе он заявил, что прибыл из Москвы для помощи бригаде. От кого получено такое задание, Брагин не сообщил. Мною было высказано недоверие его словам, но командир бригады Саломатин поручился за Брагина. В связи с этим было принято решение использовать Брагина для операции по деблокированию бригады. План операции был составлен Брагиным. 22 сентября Брагин и Саломатин, переодетые фельджандармами, на трофейном мотоцикле выехали на шоссе, по которому осуществлялось перемещение грузов для армий вермахта. Выдавая себя за патруль фельджандармерии, Брагин с Саломатиным сумели, не привлекая к себе внимания, захватить и привести в расположение бригады грузовик с военным снаряжением. Немцы, сопровождавшие груз, были уничтожены. В результате операции бригада получила следующие трофеи:

Грузовик „Манн“ – 1 шт.

Пулеметы „МГ – 42“ – 4 шт.

Винтовки калибра 7,92–84 шт.

Патроны калибра 7,92–48 ящиков.

В ходе проведения этой операции Брагину и Саломатину стало известно о предстоящем 23 сентября праздновании именин начальника полицейского гарнизона Торфяного Завода Фролова. На торжество Фролов пригласил коменданта района с офицерами и высокопоставленных фашистских пособников. По предложению Брагина было решено воспользоваться этим обстоятельством для уничтожения полицейского гарнизона. В случае удачи бригаде открывался свободный выход из окружения. В соответствии с планом, Брагин и Саломатин, переодетые фельджандармами, и 11 партизан в немецкой форме на мотоцикле и трофейном грузовике

утром 23 сентября прибыли в Торфяной Завод и сообщили Фролову о якобы полученном ими задании охранять намеченное торжество. Фролов поверил и позволил переодетым партизанам занять удобные огневые точки в здании, где собирались праздновать именины, а также сменить полицейских на постах вокруг поселка. Последнюю меру Брагин обосновал необходимостью собрать всех полицейских на площади у здания для смотра и приветствия высоких гостей. Как только полицейские на постах были сменены, в поселок скрытно зашли партизаны бригады. Дождавшись прибытия коменданта и других немецких офицеров, партизаны открыли ураганный огонь из пулеметов, в результате чего были уничтожены собравшиеся перед зданием управления фашисты и их пособники, всего около 120 человек. Уцелел только Фролов, который по приказу Брагина вызвал из Петришек и Заболотья необходимые партизанам конные подводы, общим числом 12. Сопровождавшие подводы полицейские были уничтожены, как и Фролов. В ходе операции бригада потерь не понесла.

Таким образом, успешный выход бригады в заданный район дислокации следует признать заслугой Брагина. Анализ ситуации позволяет сделать вывод:

1. Брагин обладает несомненными способностями быстро и правильно оценивать сложившуюся обстановку, находить выход из сложной ситуации. Он умен, находчив, дерзок и отважен.

2. Брагин в совершенстве владеет немецким языком, что позволяет ему легко выдавать себя за немца. К тому же он обладает соответствующей выправкой и умением носить мундир.

3. Брагин легко входит в доверие людям, вызывает у них расположение к себе.

4. По прибытии бригады к заданному месту дислокации выяснилось, что Брагин имеет отличную диверсионно-разведывательную подготовку: метко стреляет из всех видов оружия, ставит и обезвреживает мины, владеет приемами рукопашного боя.

Наличие таких качеств делает Брагина нужным бригаде кадром для осуществления оперативной работы в немецком тылу. Однако существуют серьезные препятствия этому:

1. Точно установлено, что интендант третьего ранга Брагин Савелий Ефимович погиб 2 августа 1941 г. близ деревни Долгий Мох Городского района, где и похоронен. Человек, называющий себя „Брагиным“, на самом деле присвоил имя убитого командира.

2. Место пребывания лже-Брагина в период с марта 1942 г. по 21 сентября 1943 г. неизвестно. Сам „Брагин“ утверждает, что все это время он проходил службу в Москве, однако назвать место службы отказывается. Косвенным доказательством недостоверности его слов является тот факт, что „Брагин“ по-прежнему называет себя интендантом третьего ранга, хотя такого звания в Красной Армии более не существует.

Прошу сообщить, является ли „Брагин“ сотрудником НКГБ – НКВД, направлялся ли он в бригаду для выполнения специального задания? На аналогичный запрос, отправленный в Центральный штаб партизанского движения, пришел отрицательный ответ. Словесный портрет „Брагина“: на вид около 30 лет, рост – высокий, фигура – средняя, физически развит, лицо – овальное, лоб – высокий; волосы – темно-русые, глаза – светло-серые; брови – дугообразные, широкие; нос – тонкий, прямой; уши – прижатые. Броских примет не имеет.

Ильин».

«Ильину.

Сообщенный вами словесный портрет совпадает с приметам капитана госбезопасности Петрова В.И.

Петров Виктор Иванович, 1913 г.р., проходил службу в органах НКВД – НКГБ с 1936 г. В совершенстве владеет немецким языком, отлично зарекомендовал себя на оперативной работе. В мае 1941 г. присвоено звание капитана государственной безопасности. Службу проходил в Белорусском военном округе. С началом войны пропал без вести. В апреле 1942 г. был задержан патрулем на окраине Москвы вместе с женщиной, которую назвал своей женой. Причиной задержания стало удостоверение личности сотрудника НКВД старого образца и отсутствие

сопутствующих документов. На допросе Петров сообщил, что летом 1941 г. отступал на Запад с воинской частью, часть была разгромлена, Петров ранен. Ему удалось избежать плена и спрятаться у крестьян. По выздоровлении он решил не пробиваться через линию фронта, а создать партизанский отряд. По словам Петрова, ему это удалось, и на первых порах отряд действовал эффективно, однако о захвате Города и взрыве моста он ничего не сообщил. Впоследствии отряд Петрова был уничтожен в бою с превосходящими силами противника, после чего Петров принял решение пробиваться через линию фронта. Оперативные навыки позволили ему не только беспрепятственно сделать это, но и, минуя патрули, добраться до Москвы.

Сопровождавшая Петрова женщина пояснила, что она Овсянникова Анастасия Семеновна, 1921 г.р. В августе 1941-го в дом ее отца в деревне постучал раненый командир Красной Армии, назвавшийся Петровым В.И. Они с родителями спрятали его, выходили. Впоследствии Петров В.И. создал партизанский отряд и воевал с немцами, а она стала его женой. Показания Петрова и Овсянниковой выглядели достоверно, Петров был охарактеризован сослуживцами, как преданный Родине и партии человек, поэтому было принято решение оставить его в органах НКВД. Однако от оперативной работы его отстранили и направили для дальнейшего прохождения службы инструктором в школу по подготовке диверсантов. Здесь Петров зарекомендовал себя с положительной стороны: подготовленные им группы действовали эффективно, Петров неоднократно получал поощрения по службе. Однако своими служебными обязанностями тяготился, неоднократно обращался с рапортами к руководству школы и 4-го Управления с просьбой направить его в тыл врага. На все рапорты неизменно получал отказ, поскольку руководство школы не хотело терять такого ценного специалиста. В ночь на 16.09.43 г., проводя на аэродроме очередную группу диверсантов, Петров самовольно забрался в самолет, объяснив, что в последний момент ему поступило устное указание выбраться в тыл врага вместе с группой и воевать в ее составе. Выброска группы прошла неудачно: вскоре после приземления радист сообщил, что группа окружена и ведет бой с превосходящими силами врага. После чего связь прервалась, и больше сведений от группы не поступало. Скорее всего, она полностью погибла. По сообщению пилотов, Петров покинул самолет последним, его парашют могло отнести в сторону, поэтому Петров мог уцелеть. Высадка группы происходила в километрах в 50–60 от квадрата 14–89, Петров мог самостоятельно добраться до расположения партизанской бригады. Факт сокрытия им настоящего имени может объясняться боязнью ответственности за самовольный поступок. Выясните, не является ли „Брагин“ на самом деле Петровым.

Судоплатов».

«Судоплатову.

В соответствии с вашим поручением мною была проведена дополнительная беседа с „Брагиным“ с целью установить, не является ли он на самом деле капитаном госбезопасности Петровым В.И. Командир бригады Саломатин, несмотря на ваше указание, запретил мне допрашивать „Брагина“. Такое отношение Саломатина к „Брагину“ объясняется тем, что в 1941 г. „Брагин“ спас Саломатина и 80 его бойцов от верной смерти, выкупив их у немцев из лагеря военнопленных. В 1941–1942 гг. „Брагин“ с Саломатиным участвовали в ряде совместных операций против немцев, в ходе которых, по мнению Саломатина, „Брагин“ показал себя с самой лучшей стороны, проявив находчивость, мужество и преданность Родине. В связи с этим мною было принято решение использовать для получения сведения неофициальную беседу. Поводом стало прибытие самолетов из штаба партизанского движения, которые доставили боеприпасы, газеты и письма, забрали раненых. За столом присутствовали: Саломатин, „Брагин“ и я. В ходе разговора „Брагин“ обмолвился, что его настоящее имя Виктор Иванович, а жену зовут Анастасия Семеновна. Последнюю информацию подтвердил Саломатин, лично ее знавший. Таким образом, предположение, что „Брагин“ на самом деле Петров В.И., подтвердилось.

Что касается отсутствия в рассказе Петрова В.И. сведений о взятии Города и других удачных партизанских операциях, следует заметить, что Петров очень скромный человек. Он фактически спас от разгрома партизанскую бригаду, однако ни разу не похвастался этим – наоборот, всячески избегает разговоров о своих заслугах. По прибытии бригады к нынешнему месту дислокации немедленно организовал учебу личного состава, обучая партизан навыкам меткой стрельбы, рукопашному бою и способам маскировки на местности. В связи с гибелью в боях диверсионной группы бригады взялся подготовить новую. Командир бригады и я считаем Петрова В.И. патриотом, преданным Родине человеком и ходатайствуем о награждении его орденом Красного Знамени и об оставлении в бригаде для оперативной работы.

Ильин».

«Ильину.

Использование Петрова для оперативной работы в тылу врага разрешаю под вашу личную ответственность. Сообщите Петрову, что за самовольное оставление воинской части он подлежит суду военного трибунала, его заслуги по спасению партизанской бригады не искупают эту вину. По этой причине представление о награждении Петрова В.И. мною подписано не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.